E 71/268

Ф 171
О 268

СОБЫТІЯ

на

ВОЛЫНИ

ВЪ 1789 ГОДУ.

Сочиненіе

К. КОЗЛОВСКАГО.

КІЕВЪ.
Типографія М. Фрица, возлѣ пам. св. Ирины д. № 224.
1871.

С 71
6 9.68

СОБЫТІЯ

на

ВОЛЫНИ

ВЪ 1789 ГОДУ.

Сочиненіе

К. КОЗЛОВСКАГО.

КІЕВЪ.
Типографія М. Фрица, возлѣ пам. св. Ирины д. № 224.
1871.

Дозволено Цензурою. г. Кіевъ 14-го Февраля 1871 года.

2007080035

СОБЫТІЯ НА ВОЛЫНИ

Въ 1789 году.

Послѣ перваго раздѣла Польши, когда часть западно-русской земли возвращена была опять Россіи, суждено было Украйнѣ, Волыни и Подоліи еще двадцать три года оставаться подъ властью Польши. Какъ прежде, такъ тѣмъ болѣе теперь, тяжело было жить русскому народу подъ польско-шляхетными порядками. Угнетена была православная вѣра,—лишь уцѣлѣла она, главнымъ образомъ, на побережьяхъ Днѣпра, и то постоянно подвергаясь тяжкимъ оскорбленіямъ и самому возмутительному поруганію. На всемъ остальномъ пространствѣ нынѣшняго юго-западнаго края воцарилась унія и католичество. Надъ крестьянами тяготѣло суровое, безпощадное крѣпостное право, предоставлявшее помѣщику или его управителю—шляхтичу иль жиду безграничный произволъ. Нигдѣ и ни въ чемъ, при этихъ шляхетскихъ порядкахъ, не признавалась личность русскаго крестьянина: порабощенный, полузамученный, онъ отъ рожденія и до могилы работалъ на пана работалъ безъустали, безъ надежды на лучшую долю. Запуганный кнутами и висѣльницами, которыя красовались чуть—ли не въ каждомъ селѣ, какъ это видно изъ актовъ Кіевскаго центральнаго архива, для устрашенія крестьянъ и въ предотвращеніе возстаній народа, которыми такъ богата вся прошедшая южно-русская исторія, крестьянинъ покорно и терпѣливо несъ тяжкое ярмо, надѣтое на него польско-шляхетскимъ господствомъ надъ русской землей.

Польша во второй половинѣ XVIII в. доживала свои послѣдніе печальные дни и, давно надломленная, остальные годы своего политическаго существованія ознаменовала кровавымъ событіемъ; именно въ 1789 году возбуждено было совершенно незаслуженное, ужасное преслѣдованіе противъ русскихъ крестьянъ и уніятскаго духовенства. Какъ тѣ, такъ и другіе были обвинены въ томъ, что они, будто бы въ угоду Россіи, задумали устроить возстаніе противъ пановъ. Поляки занялись тогда многочисленными казнями: однимъ изъ крестьянъ и священниковъ были отрублены головы, другіе изъ нихъ были повѣшены, множество народа было подвергнуто ужаснѣйшимъ истязаніямъ. Между тѣмъ, когда устали руки палачей, когда обильно пролита уже была русская кровь, оказалось, въ концѣ концовъ, что никакого заговора не было; что вся эта страшная исторія была выдумана панами, чтобъ докопать русскій народъ.

Изслѣдованіемъ этого кроваваго событія мы и займемся въ настоящей статьѣ, воспользовавшись главнымъ образомъ документами, хранящимися въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ.

I.

Въ самомъ началѣ 1789 года по Украйнѣ, Волыни и Подоліи между панами пронеслась вѣсть, что готовится новый крестьянскій бунтъ, новая рѣзня поляковъ и жидовъ, подобно той, какая была назадъ тому слишкомъ двадцать лѣтъ. Рас-

БИБЛІОТЕКА

паленная фантазія поляковъ не допускала ни малѣйшей спокойной и серьезной оцѣнки этихъ слуховъ; ихъ экзальтированные умы не въ состояніи были спокойно отнестись къ бѣдственному положенію крестьянской массы, страшно запуганной недавними кровавыми казнями въ возмездіе за Коліивщину,—положенію, не допускавшему, послѣ кровавой расплаты съ панами 1768 г., ни малѣйшаго расчета поправить дѣло своего освобожденія новой рѣзней поляковъ. И въ средѣ послѣднихъ тревожные разсказы о готовящейся рѣзнѣ окончательно убили всѣ тѣ порывы энергіи, которые всегда проявлялъ полякъ, лишь только шло дѣло о торжествѣ силы надъ слабостью; оказалось въ концѣ концовъ, что не было предѣла смутному и растущему раздумью пановъ предъ воображаемыми ножами съ одной стороны, и предъ ненавистью и варварскимъ ожесточеніемъ противъ крестьянъ—съ другой. Однимъ изъ главныхъ поводовъ къ этимъ тревожнымъ слухамъ было извѣстіе, что двѣ тысячи возовъ съ ножами, а при каждомъ по два маркитанта, явились тайкомъ будто бы изъ Россіи въпредѣлы рѣчи посполитой, и что эти возы съ ножами и эти четыре тысячи маркитантовъ предназначены для истребленія на Украйнѣ, Подоліи и Волыни поляковъ и жидовъ.

Это извѣстіе, скоро облетѣвшее край, въ устахъ пановъ приняло весьма разнообразные формы. Паны передавали другъ другу, что будто бы то у того, то у другого священника гостили русскіе маркитанты, у которыхъ въ возахъ вмѣстѣ съ товаромъ, были спрятаны ножи и копья, привезенные изъ Россіи для раздачи крестьянамъ; что кромѣ ножей, въ возахъ находились мучительныя орудія для вырыванія тѣла и внутренностей; что, крестьяне пьяные въ шинкахъ хвалятся, будто-бы русская императрица скоро пришлетъ сына одного изъ предводителей кроваваго возстанія 1768 г. Гонты, для того, чтобы снова устроить крестьянскій бунтъ противъ пановъ и истребить ихъ.

Маркитанты давно были извѣстны за Днѣпромъ, въ предѣлахъ нынѣшняго юго-западнаго края. Это были просто Велико-русскіе торговцы, коробейники, или, какъ ихъ называютъ въ Великороссіи, офени, ѣздившіе по южной Руси по торговымъ дѣламъ. Ихъ называли и филипонами и маркитантами, хотя филипонами считались собственно раскольники филиповскаго толка, издавна вышедшіе изъ русскихъ предѣловъ и поселившіеся за литовскимъ рубежемъ. По городамъ, мѣстечкамъ, селеніямъ, панскимъ дворамъ и жидовскимъ корчмамъ развозили и разносили эти торговцы различный товаръ для домашняго обихода: платки, пояса, холстъ, китайку и кухонные ножи. До сихъ поръ ремесло этихъ офеней не возбуждало подозрѣнія въ средѣ поляковъ, а теперь они, подъ вліяніемъ толковъ о заговорѣ, устраиваемомъ будто-бы Россіею противъ Рѣчи Посполитой, остановили свое вниманіе на маркитантахъ, и послѣдніе сдѣлались въ мнѣніи пановъ орудіемъ великихъ и кровавыхъ замысловъ русскаго правительства, направленныхъ къ ихъ истребленію.

Между тѣмъ случилось обстоятельство, еще больше переполошившее пановъ. Въ то время шла война Россіи съ Турціей. Поставка въ дѣйствующую армію провіанта производилась изъ сосѣднихъ воеводствъ, Подоліи и Волыни, почему русское правительство вошло въ сношеніе съ подлежащими польскими властями. Такимъ образомъ, учреждена была продовольственная коммисія, на обязанность которой возложена была закупка и доставка русскимъ войскамъ хлѣба и сѣна, а равно и опредѣленіе цѣны и мѣры отпускаемаго русскимъ властямъ провіанта, который доставлялся польскими помѣщиками въ русскіе магазины. Какъ и слѣдовало ожидать, не обошлось безъ столкновеній между коммисіей и русскими пріемщиками провіанта; первые подали къ этому поводъ польскіе коммисары; они назначили за провіантъ большіе цѣны, на что русскіе чиновники не согласились, и въ запальчивости произнесли какую-то угрозу волынскимъ помѣщикамъ—полякамъ. Изъ этой угрозы они заключили, что нужно ожидать во всякомъ случаѣ *отъ Москвы* какой нибудь бѣды.

Слухъ о появленіи двухъ тысячъ возовъ мар-

китантскихъ съ ножами еще больше убѣдилъ пановъ, что Россія намѣрена, во чтобы то ни стало, стереть Польшу съ лица земли. На контрактахъ въ городѣ Дубно, паны, въ бесѣдахъ между собою, очевидно не могли пройти молчаніемъ эти слухи; но, какъ и слѣдовало ожидать, они и понимали ихъ и трактовали о нихъ слишкомъ по своему. Сообразивъ, что тогдашняя война съ Турціею не позволяла Россіи ударить на Польшу, паны рѣшили, что русское правительство хотѣло раздавить Польшу посредствомъ маркитантовъ, тайкомъ, возбужденіемъ на Украйнѣ, Волыни и Подоліи новаго крестьянскаго возстанія противъ пановъ. Съ такими же тревожными думами собралось множество пановъ въ февралѣ 1789 г. въ городъ Луцкъ. Въ средѣ ихъ царствовала тревога и самое отчаянное раздраженіе противъ Россіи. Пошли толки и совѣщанія,—что дѣлать, что предпринять для того, чтобы предотвратить грядущую бѣду. Стали наблюдать за маркетантами —что они продаютъ, гдѣ бываютъ, гдѣ останавливаются на ночлегахъ. Ихъ товары подвергались тщательному осмотру. Естественно, что при осмотрѣ этотъ оказалось все тоже, что и было прежде; но ножи, предназначенные для хозяйственныхъ принадлежностей, послужили для пановъ доказательствомъ того, что они ввезены на Волынь для рѣзни пановъ. Къ вящему ужасу послѣднихъ оказалось, что маркитанты останавливаются преимущественно на ночлегъ у духовныхъ лицъ; ничего не стоило полякамъ вывести отсюда, что, посѣщая духовныхъ лицъ, маркитанты возбуждаютъ ихъ къ бунту, а попы настраиваютъ къ тому же и крестьянъ.

Такимъ образомъ, въ средѣ польскихъ пановъ укоренилась всеобщая вѣра, что скоро должны опять наступить кровавые дни, героями которыхъ будутъ уже не запорожскіе козаки, какъ прежд ебывало, не рыцари обширныхъ украинскихъ степей—гайдамаки, а маркитанты, мирное русское уніятское духовенство и, конечно, крестьяне. Но для того, чтобы разъна всегда предотвратить крестьянскіе бунты, паны рѣшились навести ужасъ и страхъ какъ на крестьянъ, такъ и на русское духовенство.

Въ Варшавѣ въ то время происходило засѣданіе сейма, какъ вдругъ изъ Волыни, одни за другими стали получаться страшныя извѣстія о готовящемся новомъ крестьянскомъ бунтѣ и о разъѣзжающихъ по Украйнѣ Волыни и Подоліи русскихъ маркитантовъ съ ножами и подговорами поповъ и крестьянъ на новую рѣзню. Не разсуждая долго, сеймъ отправилъ на Волынь распоряженіе, въ силу котораго продовольственная коммиссія, учрежденная изъ помѣщиковъ для опредѣленія цѣны и мѣры продаваемаго жителями русскимъ войскамъ провіанта, обращалась въ слѣдственную и, вмѣстѣ съ тѣмъ, судную. Коммиссіи этой предписано принять нужныя мѣры къ охраненію общественной безопасности и доносить сейму о томъ, что будетъ открыто при слѣдствіи. Этого сеймоваго распоряженія было достаточно для того, чтобы коммиссія, какъ увидимъ ниже, руководимая отцами іезуитами, обратилась въ кровавое судилище, ознаменовавшее свое кратковременное существованіе рѣдкими и безумными въ исторіи человѣчества казнями. Что была это за коммиссія, и изъ какихъ людей она была составлена — достаточно указать на такихъ членовъ ея, какъ вѣчно пьяный стольникъ Трембовельскій, Каэтанъ Тржебуховскій, или помѣшанный Антонъ Рогозинскій, или же извѣстный разбойникъ Валентій Заленскій, дѣлавшій вооруженные наѣзды на окрестныя села и разорявшій ихъ, и еще недавно убившій въ селѣ Омельяновкѣ, во время наѣзда, нѣсколькихъ крестьянъ. Такого же закала были и остальные члены кроваваго судилища, назначеннаго для предотвращенія крестьянскаго бунта.

Было мало однихъ этихъ распоряженій. Появились въ то же время различные универсалы, обращенные къ обывателямъ Волыни, Подоліи и Украйны. Первый изъ нихъ былъ универсалъ сеймовой конфедераціи отъ 23 февраля 1789 года, за подписью референдара Станислава Наленчъ-Малаховскаго и генерала артиллеріи Не-

стора Сапѣги; универсалъ этотъ объявлялъ обывателямъ воеводствъ Волынскаго, Подольскаго и Браславскаго, что на продовольственную коммиссію возложено предупрежденіе готовящагося бунта; на основаніи этого универсала паны обязаны, въ случаѣ если крестьяне обнаружатъ мятежные замыслы, или же будутъ дѣлать панамъ какія-либо угрозы, немедленно увѣдомлять ближайшія воинскія команды, для принятія послѣдними нужныхъ въ такихъ случаяхъ мѣръ. За тѣмъ сеймовымъ постановленіемъ того же 23 февраля, запрещенъ былъ ввозъ во владѣнія Польши различнаго рода оружія, и пограничныя команды обязаны были строго наблюдать за тѣмъ, чтобы ни подъ какимъ предлогомъ не проникло оно въ Польшу изъ заграницы (т. е. изъ Россіи). * Коммиссія Волынскаго воеводства, дѣятельно съ своей стороны принялась за дѣло уничтоженія предполагаемаго крестьянскаго бунта съ энергіею, достойною лучшаго дѣла. Универсаломъ своимъ отъ 31 марта она указывала помѣщикамъ на тѣ мѣры, какія должны быть приняты ими въ виду этихъ новыхъ кровавыхъ замысловъ маркитантовъ и крестьянъ. Помѣщикамъ предписано немедленно озаботиться о выборѣ жолнѣровъ конныхъ съ мѣстечка—по два человѣка, съ каждаго села, имѣющаго болѣе 30 крестьянъ—по одному; съ селъ, имѣющихъ менѣе 30 душъ крестьянъ по одному пѣшему жолнѣру. Жолнѣры эти должны быть надлежаще вооружены, обмундированы и въ теченіи 8 дней высланы въ распоряженіе коммиссіи. Кромѣ того, предписано было арестовывать русскихъ коробейниковъ, разъѣзжающихъ по селамъ, тщательно осматривать ихъ товары; подозрительныхъ представлять въ Луцкъ подъ стражей или же отдавать ближайшимъ воинскимъ командамъ. У крестьянъ должно быть отобрано всякаго рода оружіе. Крестьянъ, заподозрѣнныхъ въ чемъ либо, отсылать къ воинскимъ командамъ, или же увѣдомлять послѣднія о таковыхъ крестьянахъ; учредить по селамъ присяжныхъ десятниковъ, которые должны денно и нощно осматривать крестьянскія хаты, и въ случаѣ обнаруженія какого либо со стороны крестьянъ мятежнаго замысла, немедленно доносить объ этомъ властямъ. Они обязаны кромѣ того дѣлать осмотръ проѣзжающихъ и проходящихъ людей; подозрительныхъ—останавливать и брать подъ арестъ; лѣса должны быть тщательно осматриваемы, чтобы не укрывались въ нихъ, а равно и въ уединенныхъ хуторахъ, *гультаи*. *

За тѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ универсаловъ, касающихся Волынскаго воеводства. Одинъ изъ нихъ предписывалъ панамъ выслать милиціоперовъ въ Луцкъ въ военныхъ мундирахъ, надлежаще вооруженныхъ и снабженныхъ достаточнымъ провіантомъ. Въ милиціонеры должны быть выбраны, кромѣ католиковъ, лютеране, кальвины, караимы и жиды, исключая русскихъ жителей, которые, „какъ, по выраженію универсала, заподозрѣнные всѣ въ мятежныхъ замыслахъ, должны быть исключены изъ списка милиціоперовъ.“ Другимъ универсаломъ, отъ 31-го марта, призывалась къ оружію шляхта, „которая хотя и не имѣетъ поземельнаго владѣнія, но, по словамъ универсала, соединена съ остальными панами кровью, шляхетскими интересами и страхомъ спасенія жизни“. Эти шляхтичи, какъ сидящіе на чиншѣ, такъ и находящіеся безъ дѣла, не на службѣ, должны были немедленно явиться вооруженные въ Луцкъ, Владиміръ и Кременецъ.

Городъ Луцкъ сдѣлался предметомъ особенной заботливости со стороны коммиссіи. Постановленіемъ ея отъ 31-го марта повелѣно: 1) мостъ на рѣкѣ Глушцѣ, находящійся у монастыря Базиліановъ, передѣлать въ теченіи недѣли въ подъемный; со стороны предмѣстья устроить на немъ заставу и на ночь ее запирать; 2) приставить ко всѣмъ слѣсарямъ, кузнецамъ и столярамъ стражу; въ мастерскихъ должна быть оста-

* Книга гродская луцкая, 1789 г. хранящ. въ Кіевскомъ центр. архивѣ, № 113, стр. 225, и № 119, стр. 339).

* Книга гродская луцкая, 1789 г. хранящ. въ Кіевск. центр. архивѣ, № 259, стр. 26. Wydok przemocy na sla-ba niewinnosc srogo wywartej, Бродовича, часть II, стр. 133).

новлена всякая частная работа, а вмѣсто того должны быть въ нихъ приготовлены копья для вооруженія всѣхъ жителей города Луцка; 3) Установить таксу на копья и приказать всѣмъ взрослымъ католикамъ, караимамъ и жидамъ купить, на каждое взрослое лицо, по одному копью; 4) Разставлять по ночамъ, при въѣздахъ въ городъ, вооруженныя стражи изъ жолнѣровъ, жидовъ и караимовъ; 5) жиды, мѣщане и караимы обязаны доставить въ коммисію по 1 ф. пороху и 1 ф. свинцу; 6) у всѣхъ слѣсарей отобрать ружья, чьи бы они ни были, и таковыя сдать въ коммиссію; 7) въ базарные дни удвоить стражу; ревизовать всѣ въѣзжающія въ городъ подводы; въ городъ нищихъ не впускать; 8) приказать раввинамъ жидовскому и караимскому, дабы они, подъ строжайшею клятвою, воспретили своимъ единовѣрцамъ продавать крестьянамъ порохъ и свинецъ; всѣхъ людей, неимѣющихъ опредѣленной работы, изъ города выгнать; 9) Заставить жителей, жидовъ и караимовъ заготовить себѣ продовольствія на два мѣсяца; съ купцовъ, ремесленниковъ, аптекарей и съ мѣщанъ, которые не будутъ отправлять обязанности стражниковъ, взыскать по ½ камня пороху и ½ камня свинцу. * Относительно пановъ, коммиссія того же 31-го марта издала распоряженіе, чтобы они собрали огнестрельное оружіе и представили бы списки о его количествѣ; сообразно съ количествомъ оружія дворяне получаютъ порохъ и свинецъ; оружіе должно быть заряжаемо по ночамъ; за недостаткомъ огнестрельнаго оружія вооружить прислугу копьями, но отнюдь *не вооружать хлоповъ русскаго обряда;* помѣщики обязываются заготовить и представить въ Луцкъ съѣстные припасы. Католическое духовенство тоже обязано доставить въ коммиссію порохъ и свинецъ и вооружить своихъ слугъ, *исключая*, конечно, *людей русскаго обряда*,—изъ этихъ слугъ должна быть составлена вооруженная ночная стража; начальству школъ также приказано вооружить взрослыхъ учениковъ и по ночамъ посылать ихъ на стражу; шляхтичи же по очередно должны командовать всѣми этими стражами. *

Изъ глубины Польши шли на Волынь и Подолію жолнѣры, назначенные въ помощь мѣстнымъ командамъ и милиціи для подавленія могущаго будто бы вспыхнуть въ недалекомъ будущемъ крестьянскаго бунта.

Между тѣмъ случилось одно кровавое происшествіе, имѣвшее совершенно исключительный, единичный характеръ, но, тѣмъ не менѣе, подавшее панамъ поводъ думать, что не напрасно они всполошились, и не напрасно создали исторію о маркитантахъ и о новомъ крестьянскомъ бунтѣ.

Въ мѣстечкѣ Невѣрковѣ, Луцкаго повѣта, проживалъ помѣщикъ Игнатій Вележинскій; онъ владѣлъ какъ Невѣрковымъ, такъ еще и 6 селами въ Луцкомъ повѣтѣ. Изъ крестьянъ своихъ онъ взялъ въ свой дворъ, для услуги, двухъ мальчиковъ; одинъ изъ нихъ, Самко Раковичъ, читалъ книги на польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, кромѣ того онъ былъ еще отчасти и артистъ: игралъ на скрипкѣ и рисовалъ. Другой, Семенъ Рымарчукъ, тоже былъ грамотный и кромѣ того обладалъ вполнѣ *рымарскимъ* искуствомъ. По словамъ акта, составленнаго судебною коммиссіею, паны обращались будто-бы съ ними ласково; они получали, опредѣленное жалованье, барскую ливрею и „продовольствіе, приличное ихъ сословію“. Паны, по выраженію того же акта, только запрещали имъ ходить въ корчму и тамъ играть въ карты, а за неусердную службу давали имъ внушенія (?). Однажды Семенъ Рымарчукъ, за бѣгство и драку съ шляхтичемъ Іосифомъ Бѣлинскимъ, былъ высѣченъ розгами. Спустя немного времени, эти дворовые просили пана Вележинскаго отпустить ихъ съ панскаго двора; Вележинскій ихъ не отпустилъ,—тогда они рѣшились убѣжать. Надо думать, что на это они рѣшились вовсе не изъ того, чтобы имъ въ панскомъ дворѣ было хорошее, или, по

* Книга город. Луцкая, 1789 г., хранящ. въ Кіев. центр. архивѣ, № 264, стр. 692.

* Книга городская Луцкая, 1789 г., хранящ. въ Кіев. централ. архивѣ, № 265, стр. 34.

крайней мѣрѣ, сносное житье; что, во всякомъ случаѣ, къ этому побудило ихъ то варварство которымъ запечатлѣны были всегда отношенія польскихъ пановъ къ русскому хлопу; что самъ Вележинскій не могъ быть исключеніемъ изъ семьи родственныхъ ему, по отношенію къ крестьянской массѣ, пановъ. Рѣшившись убѣжать, вышеупомянутые Раковичъ и Рымарчукъ, задумали въ тоже время отплатить *за благодѣяніе* польскаго пана, т. е. перерѣзать своихъ благодѣтелей—пановъ. Въ ночь съ 30 на 31 марта, дождавшись когда въ панскомъ домѣ все уснуло они вошли съ топорами въ спальню Вележинскаго и чрезъ нѣсколько мгновеній панъ и жена его были убиты; въ дѣвичьей спало пять человѣкъ; такъ какъ они могли быть свидѣтелями преступленія, то рѣшили и съ ними покончить, т. е. перерѣзать ихъ, что и было немедленно исполнено. За тѣмъ, собравъ деньги и различныя драгоцѣнности, и, смывъ кровь съ своей одежды, отправились спать. На другой день, утромъ, убійцы были арестованы и отправлены въ Корецкую тюрьму. Скоро явилась и судебная коммиссія, предъ которой убійцы вовсе не запирались и сознались въ своемъ преступленіи. Судъ, приговоромъ своимъ отъ 16 апрѣля, опредѣлилъ: такъ какъ они, *не смотря на право Божеское и религію*, осмѣлились поднять руку на своихъ пановъ, то „обмотать руки убійцъ пенькой, облить ее смолой, зажечь и въ такомъ видѣ вести ихъ на мѣсто преступленія, въ мѣстечко Невѣрковъ; по прибытіи въ это мѣстечко — выдрать изъ тѣла каждаго изъ нихъ по три полосы, за тѣмъ—тѣми же топорами, которыми они убили своихъ пановъ, переломать кости ниже колѣнъ, а потомъ обезглавить и тѣла четвертовать; отрубленныя головы воткнуть на колья около Невѣркова, а куски тѣлъ развѣшать около близь лежащихъ городовъ, на висѣлицахъ, на которыхъ они должны висѣть до тѣхъ поръ, пока сами не отпадутъ.

Эта ужасная казнь была исполнена въ Невѣрковѣ палачомъ, нарочно для этого привезеннымъ изъ Дубна. Но одной этой казнью не окончилось это дѣло:—слугъ другихъ Тараса, Филипа и мальчика Максима присужденно наказать розгами —первыхъ двухъ 50-тью ударами, и Филипа 10-ю ударами, такъ себѣ ни за что ни про что, но, по словамъ офиціальнаго акта за то, что не доносили панамъ о рѣчахъ, которые вели прежде между собою убійцы; шинкаря Игната, дядю Рымарчука за то, что пускалъ къ себѣ въ домъ убійцъ пить и играть въ карты—къ 100 ударамъ розгами, и, кромѣ того, всѣхъ четырехъ, съ согласія наслѣдника имѣнія убитаго Вележинскаго, въ вѣчные солдаты, хотя судъ и признаетъ при этомъ, что въ вышеозначенномъ преступленіи они не принимали ни малѣйшаго участія. Лакей Иванъ Высоцкій за то, что, будучи пьянымъ, упалъ и окровавилъ себѣ ногу, и тѣмъ самимъ попалъ въ подозрѣніе коммиссіи, наказанъ 30-ю ударами розогъ. Что же касается до громады имѣній Невѣрковскаго ключа, то она признана судомъ ни въ чемъ невинною и освобождена отъ всякаго подозрѣнія. *)

Этого происшествія, вкривь и вкось объясняемаго, достаточно было, чтобы окончательно взволновать пановъ. Лишь только пронесся слухъ объ убійствѣ Вележинскаго, какъ паны въ одинъ голосъ заговорили, что крестьянскій бунтъ уже запылалъ и убійство въ Невѣрковѣ было будто бы предвѣстникъ новаго, страшнаго мятежа. Помѣщики съ своими семьями стали бросать свои имѣнія и скоро множество ихъ столпилось въ городахъ Дубно и Луцкѣ. Пришли наконецъ вызванные изъ глубины Польши жолнеры и расположились въ Луцкѣ, Кременцѣ и Владимірѣ. Въ тоже время начались аресты. Милиціонеры ловили маркитантовъ, отбирали отъ нихъ деньги, товары, сажали въ тюрьмы; начали брать также подъ стражу и этихъ вѣчныхъ страдальцевъ—крестьянъ. въ чемъ либо заподозрѣнныхъ; ихъ забивали въ колодки и бросали въ тюрьмы. Для лучшаго и скорѣйшаго отправленія судебныхъ дѣйствій, Коммиссія раздѣлилась на двѣ части: одна изъ нихъ расположилась въ

* Книга гродская Луцкая, 1789 г., хранящ. въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ, № 392, стр. 833.

Дубнѣ, другая въ Луцкѣ, и, кромѣ того, было еще учреждено отдѣленіе суда въ Кременцѣ.

Скоро заподозрѣнныхъ въ затѣвавшемся будто бы крестьянскомъ бунтѣ оказалось весьма много; но и за обвинителями не стало дѣло. Первая явилась къ суду, въ качествѣ обвинительницы, пани Прушинская, помѣщица села Куриловки. Оказалось, что на прошедшихъ рождественскихъ праздникахъ молодые крестьяне пришли, по обычаю, въ ея господскій дворъ *колядовать*. Было уже поздно вечеромъ, когда они грянули подъ окнами панскаго дома колядныя пѣсни; пани перепугалась и велѣла разогнать колядовавшихъ крестьянъ палками, что и было немедленно исполнено. Избитые и возмущенные этимъ поступкомъ Прушинской крестьяне сказали про себя: „яка-жъ не ласкава пани наша! Треба-бъ пустить на неи сына *Гонты*, щобъ научивъ ін обходытця зъ людьми по-людьски!“ У крестьянъ была въ то время крѣпкая вѣра, что сынъ замученнаго поляками послѣ Коливщины, Гонты, этого колосальнаго витязя крестьянскаго возстанія 1768 года, существуетъ, и что будто представлялся онъ Императрицѣ Екатеринѣ II и просилъ ее позволить ему отомстить за кровь своего отца. Подавленные и замученные крестьяне, не видя рѣшительно ни откуда исхода изъ своего бѣдственнаго положенія, естественно держались крѣпко этой вѣры и на ней теперь сосредоточивались всѣ ихъ надежды, все ихъ упованіе!— Придетъ сынъ Гонты и отомститъ и за кровь своего отца, и за наше горе!—такъ думали эти вѣковые горемыки-крестьяне; но крѣпко же и пришлось поплатиться имъ за эту думу! Заявленія панiи Прушинской было достаточно, чтобъ уже окончательно перепугать судебную коммиссію. Немедленно, по ея распоряженію, схвачено было нѣсколько десятковъ крестьянъ и привезено въ Дубно. На судѣ онѣ объявили, что не знаютъ никакого сына Гонты, но что если упомянули объ немъ, то это случилось подъ вліяніемъ палочной награды, которыми угостила ихъ Прушинская за колядки на святкахъ. Не смотря на то, что изслѣдствія не оказалось ни малѣйшихъ признаковъ бунта и противъ крестьянъ не было представлено даже самыхъ ничтожныхъ уликъ къ ихъ обвиненію, судебная коммиссія произнесла замѣчательно варварскій приговоръ, по которому пятнадцать человѣкъ были приговорены къ смертной казни, и однимъ изъ нихъ были отрублены головы, другіе же были повѣшены; затѣмъ остальные крестьяне были жестоко высѣчены у позорнаго столба, и отправлены обратно въ Куриловку, гдѣ, въ видахъ устрашенія другихъ крестьянъ были еще вновь высѣчены. Эта казнь и это истязаніе крестьянъ совершилось предъ самою Пасхой. И такимъ то печальнымъ образомъ поплатились несчастные Куриловскіе крестьяне за то, что своею колядкою потревожили спокойствіе вельможной пани Прушинской.

За Прушинской явился въ судъ съ обвиненіемъ крестьянъ въ бунтѣ Францишекъ Вильчинскій, поссесоръ имѣнія Любча, принадлежащаго князю Воронецкому. Вильчинскій, изъ мести къ крестьянамъ за то, что они о его злоупотребленіяхъ по поссесіи доносили владѣльцу князю Воронецкому, рѣшился обвинить нѣкоторыхъ изъ нихъ, которые были побогаче, въ томъ, что они буйны, не послушны ему, держатъ у себя порохъ, оружіе, что даже на своего собственнаго попа будто-бы дѣлаютъ какія то угрозы. Въ этомъ обвиненіи была доля правды, заключавшаяся только въ томъ, что крестьяне дѣйствительно имѣли порохъ и оружіе, что, впрочемъ не давало поводъ думать о томъ, что оружіе приготовлено для бунта; имѣніе Любча находилось на Полѣсьи, въ громадныхъ лѣсахъ которыхъ крестьяне охотились за всякаго рода звѣрями, и потому, какъ оружіе такъ и порохъ, исключительно предназначались для охоты. Тѣмъ не менѣе, Вильчинскій, въ своемъ обвиненіи, ударилъ прямо на этотъ пунктъ, и оговоръ свой подтвердилъ присягой. Тотчасъ же посланы были въ Любче милиціонеры, которые, схвативъ обвиненныхъ крестьянъ, забили ихъ въ оковы и, вмѣстѣ съ найденнымъ у нихъ оружіемъ, привезли въ Луцкъ.

Послѣ недолгихъ распросовъ одинъ крестьянинъ былъ повѣшенъ; отецъ его, имѣвшій болѣе

80 лѣтъ, умеръ въ тюрьмѣ отъ голода и холода; трупъ его былъ освобожденъ отъ оковъ уже послѣ смерти, привезенъ къ церкви и тамъ погребенъ русскимъ священникомъ. Для остальныхъ сыновей этаго несчастнаго старика, а равно и для другихъ арестованныхъ крестьянъ выдумано было замысловатое наказаніе: декретомъ коммиссіи повелѣно наказывать ихъ на всемъ протяженіи пути отъ Луцка до Любча. На этомъ пути находились села: Яровицы, Вышковъ, Липляны, Жидичинъ, Колчинъ, Рудня, Рожище, Козинъ, Рудка, а затѣмъ Любче. Во всѣхъ этихъ селахъ устрашенія крестьяне, ради своихъ собратій, должны быть наказываемы посредствомъ милиціонеровъ. Сто ударовъ долженъ былъ вынесть въ каждомъ селѣ каждый крестьянинъ; во всѣхъ же селахъ на несчастнаго крестьянина приходилось по тысячѣ и сто ударовъ.

Чрезъ недѣлю, по приговору коммиссіи, повѣшены были двое крестьянъ: одинъ кузнецъ изъ села Квасова, другой крестьянинъ изъ Острожца; они оказались виновными въ произнесеніи опять таки непріятныхъ для пановъ рѣчей въ пьяномъ видѣ. Такая же участь и тоже *за слова* ожидала крестьянина изъ села Кроватки; но коммиссія, принявъ во вниманіе его многочисленную семью, которая, въ случаѣ его казни, могла бы умереть съ голоду, опредѣлила, вмѣсто смертной казни, отрубить ему правую руку и прибить ее къ столбу; но и это не помогло горю, крестьянинъ чрезъ недѣлю умеръ, а семья конечно, должна была, на всегда голодать.

До сихъ поръ въ этой несчастной драмѣ играли главную роль съ одной стороны палачи—вельможные паны, съ другой—мученики крестьяне; но вотъ на сцену является духовное лицо дьячекъ Семенъ Яроцкій, изъ села Жукова, изъ подъ Клевани. На него пало обвиненіе, что онъ, напившись пьянымъ, вздумалъ по хатѣ танцовать, и танцуя будто бы приговаривалъ, какъ будетъ онъ рѣзать ляховъ и жидовъ. За это рѣшено его повѣсить. Казнь была совершена на другой день послѣ казни крестьянъ Воронецкаго. Это было первое духовное лицо, казненное за слова, произнесенные въ пьяномъ видѣ; но за нимъ идетъ уже цѣлая вереница русскихъ уніатскихъ священниковъ утратившихъ свою жизнь по милости этого кроваваго польскаго страшнаго судилища.

II.

Прежде чѣмъ мы будемъ говорить о бѣдствіяхъ, постигшихъ уніятское духовенство въ 1789 году, мы считаемъ остановиться нѣсколько подробнѣе на его судьбахъ, какъ онѣ сложились благодаря іезуитамъ, устроившимъ эту несчастную унію.

Эти судьбы уніатскаго духовенства во второй половинѣ XVIII в. были въ высшей степени печальны. Соединенное съ католическимъ населеніемъ извѣстными сторонами обряда, уніятское духовенство постепенно теряло подъ собою народную почву, пока не очутилось между двухъ огней: съ одной стороны католическіе паны и, конечно, ксендзы, послѣдніе въ силу своихъ вѣковыхъ іезуитскихъ традицій,—всѣ они вообще не могли ни вѣрить уніятскому духовенству, ни уважать его, ибо оно, при всей двусмысленности роли, созданной исторіей, все таки было русское, связанное съ остальнымъ русскимъ православнымъ людомъ единствомъ языка, обычая, цѣлымъ складомъ жизни, воспоминаніями о лучшихъ дняхъ, когда не было еще этого раскола, подѣлившаго народъ на православныхъ и уніятовъ, а были всѣ равныя между собою дѣти одной матери. Съ другой стороны, уніятское духовенство было предметомъ презрѣнія и ненависти православнаго населенія: для послѣдняго съ словомъ уніятъ, соединялось понятіе о вѣроотступникѣ, отщепенцѣ отъ вѣры предковъ, измѣнникѣ народу и его исторіи. Народъ не могъ не сознавать, что появленіе въ его жизни уніятства сопровождалось усиленіемъ тѣхъ ужасовъ, которые занесены были въ Западно-рускую жизнь польско католическимъ элементомъ, и что всегда уніятство, волей неволей, служило іезуитскимъ цѣлямъ—посредствомъ укрѣпленія на русской землѣ польскаго господства—погубить русскую народность. Потому то, во всѣхъ народныхъ возстаніяхъ, во весь періодъ козацкихъ войнъ народъ одина-

ково ожесточенно относился и къ польскому пану, ксендзу и жиду, и къ уніятскому священнику: между ними не дѣлалось никакого различія и одинаковая кара постигала ихъ. Такъ послѣ усмиренія возстанія 1768 года, вотъ что говорило въ своемъ универсалѣ уніятское духовенство въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ: „пораженное страхомъ жестокаго мученія отъ взбунтовавшаго гайдамачества и страхомъ тиранской смерти, подобной той, какая выпала на долю *нашихъ собратій*, изгнанные изъ домовъ и маетностей нашихъ, разсѣянные по разнымъ мѣстамъ, по чужимъ домамъ, скрываясь въ ямахъ, подвалахъ, темныхъ лѣсахъ, топяхъ и болотахъ, а нѣкоторые и до сихъ поръ скитаясь въ странахъ Россійской, Татарской и Молдавской, теперь недавно по крайней мѣрѣ нѣсколько успокоенные, послѣ того какъ войсками императрицы и нашего короля пылавшій гайдамацкій пожаръ нѣсколько потушенъ, мы прибыли въ свои дома, а другіе, по причинѣ еще не совсѣмъ погасшаго того огня, на Волыни помѣщаются и живутъ подаяніемъ." *

Таковы были отношенія крестьянскаго православнаго населенія къ уніятскому духовенству. Не менѣе враждебны были и отношенія къ нему православнаго духовенства. Въ договорѣ, заключенномъ въ 1768 г., между Россіею и Польшей, указано было на несправедливое занятіе въ различное время католиками православныхъ храмовъ. Договоромъ этимъ постановлено, что храмы эти должны быть возвращены первоначальнымъ своимъ владѣльцамъ. Православные священники, до сихъ поръ страшно униженные и порабощенные, опираясь на покровительство, оказываемое ему русскою императрицей, взялись смѣло за это дѣло тѣмъ болѣе, что, въ случаѣ сопротивленія со стороны ксендзовъ или пановъ, могли находить себѣ легко поддержку въ русскихъ военныхъ командахъ, находившихся тогда въ Польшѣ. Весьма вѣроятно, что при этомъ не обошлось безъ нѣкоторыхъ непріятностей; что, словомъ, при отобраніи отъ уніятовъ православныхъ церквей, строгая справедливость не могла не быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ нарушена. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, если принять во вниманіе страшное въ то время возбужденіе страстей: для православнаго духовенства покровительство Россіи, выразившееся весьма опредѣленно и рѣшительно въ договорѣ съ Польшей 1768 г., подало великія надежды избавиться на всегда въ близкомъ будущемъ отъ инквизиторскихъ отношеній къ нему ксендзовъ и пановъ, и послѣдніе — въ этомъ актѣ не могли не увидѣть, что участіе Русской императрицы, оказываемое православному населенію, все болѣе и болѣе крѣпило и входило въ сознаніе православныхъ, для которыхъ въ это время, послѣ вѣковыхъ униженій и гнета, вновь блеснулъ лучъ надежды—избавиться отъ ляшско-ксендзовской неволи. Естественно, что подъ вліяніемъ этого покровительства, примѣненіе къ дѣлу договора 1768 г. при помощи русскихъ солдатъ не могло не обойтись безъ нѣкоторыхъ враждебныхъ столкновеній, и даже насиліемъ надъ духовенствомъ уніятскимъ. Вотъ что писали уніятскіе священники въ числѣ семидесяти человѣкъ къ папскому Нунцію въ Варшавѣ скоро послѣ заключенія договора 1768 г.: „православные священники, взявъ съ собою Московскихъ солдатъ, напали на наши приходы, принуждая безъ отговорокъ къ отреченію отъ святой уніи. Но когда, по милости Божіей, мы отказались ихъ слушаться, то они не задумались за это насъ и множество братій нашихъ, однихъ — обременять ножными колодками, другихъ—жестоко бичевать, иныхъ—гнать пѣшкомъ, и, наконецъ, всѣхъ заключить въ тюрьмы, въ которыхъ иные шесть, а другіе десять и болѣе недѣль томятыя голодомъ, стужею и прочими тягостями. Церкви же наши, разбивъ у нихъ двери топорами, они присвоили себѣ и сдѣлали такъ, что къ этимъ церквамъ, переяславскій епископъ, дизунитъ, посвятилъ, изложумышленно, безъ всякаго вѣдома патроновъ церковныхъ, устроилъ при нихъ *мужичьихъ сыновей*, едва умѣющихъ читать, и самаго дурного образа жизни." *

* Widok przemocy na slabo niewinnosc srogo wywartej, przez Brodowicza, Lwow. 1862 г. приложеніе А.

* Brodowicz, приложеніе Д.

Отношеніе пановъ—католиковъ—къ уніятскому духовенству запечатлѣны характеромъ въ высшей степени жестокимъ и оскорбительнымъ. Сознательно или безсознательно, но поляки всегда подозрѣвали уніятское духовенство въ соучастіи въ гайдамацкихъ бунтахъ. Такъ въ 1768, предводители Барской конфедераціи Красинскій и Пулавскій, прямо обвиняли духовенство въ подстрекательствѣ крестьянъ къ бунту. Въ письмѣ своемъ къ Луцкому уніятскому епископу они говорятъ, что духовенство Луцкой уніятской епархіи, по внушенію враговъ отечества, пылая непримиримою ненавистью противъ римскаго вѣроисповѣданія „употребляетъ *таинство исповѣди* для святотатственнаго возбужденія крестьянъ противъ пановъ и жидовъ, чтобы черни, отъ такого варварства сдѣлавшейся звѣрями, пришедшая въ замѣшательство отчизна, досталась, какъ жертва грабежа, издавна умышляющему его погибель врагу“... *

Но независимо отъ этихъ обвиненій, уніятское духовенство постоянно было со стороны пановъ поругиваемо и оскорбляемо въ самыхъ священныхъ и дорогихъ своихъ правахъ. Современникъ и очевидецъ событій 1789 г. Бродовичъ въ числѣ многихъ примѣровъ возмутительнаго обращенія съ уніятскимъ духовенствомъ, приводитъ между прочимъ, слѣдующее: каштелянъ Кіевскій Стадницкій приказалъ какъ крестьянамъ своимъ, такъ и священникамъ своихъ имѣній возить его хлѣбъ къ Днѣстру на пристань; одинъ изъ священниковъ протестовалъ противъ такого оскорбленія своего сана довольно оригинальнымъ образомъ: онъ повезъ панскій хлѣбъ въ полномъ церковномъ облаченіи. Въ началѣ волненій на Волыни въ имѣніи Краковскаго каштеляна князя Яблоновскаго, по приказанію послѣдняго священники отправляли лично почтовую гоньбу. Это одни изъ тысячи другихъ безпримѣрнаго въ исторіи унизительнаго положенія духовенства, всѣми угнетаемаго и всѣми пренебрегаемаго. Подъ гнетомъ такихъ душу раздирающихъ, безотрадныхъ картинъ, тотъ же современникъ, Бродовичъ, бывшій въ то время каѳедральнымъ протоіереемъ въ Луцкѣ, и офиціаломъ Луцкаго епископа, на котораго мы уже выше ссылались, чрезвычайно вѣрно и рельефно опредѣлилъ судьбу уніятовъ въ слѣдующихъ знаменательныхъ словахъ: „Странное дѣло, не въ одной только Польшѣ, а вездѣ, гдѣ только существуютъ уніяты, ихъ подавляютъ, ими пренебрегаетъ католичество. Знай, восклицаетъ Бродовичъ,—знай Русинъ соединенный съ Римскою церковью и навсегда удаленный отъ пользованія въ отечествѣ своемъ законами, свободой и правами,—знай, что напрасны твои старанія, доказать твою вѣрность, послушаніе и вѣрноподданничество. Напрасно, въ доказательство твердости своей въ правилахъ уніи, ты отдаешься въ рабство и готовъ, не только имущество, но и жизнь потерять: никто тебѣ не повѣритъ! Поляки будутъ тебя преслѣдовать, предполагая въ тебѣ склонность къ Москвѣ, а Москва станетъ дѣлать точно тоже, потому что ты уніятъ; да и тѣ самые которые освободили тебя въ 1773 году изъ тюремнаго заключенія (римское духовенство), станутъ тебя при всякомъ подозрѣніи, какъ и въ нынѣшнемъ (1789 г.), запирать въ тюрьмы, пытать и казнить, оказывая тебѣ только то снисхожденіе, что ты погибнешь не отъ посторонней руки, а отъ руки соотечественника“.... „Что же за причины такой—ничѣмъ не побѣдимой, ничѣмъ не ослабляемой ненависти къ тебѣ, несчастный Русинъ? говоритъ далѣе Бродовичъ. Развѣ только одно, что ты хотя и соединенный, но все таки остаешься вѣтвію того дерева, въ самомъ корнѣ котораго замѣтили отраву. Ты уже по квашенной просфорѣ принадлежишь къ восточной церкви, которая нѣкогда рѣшилась состязаться съ западною...., И это твой самый непростительный грѣхъ, грѣхъ большій предъ лицомъ свѣта, чѣмъ грѣхъ первородный предъ ликомъ Божіимъ, и грѣха этого ты не загладишь ни крещеніемъ, ни покаяніемъ, ни даже отмѣною своихъ старинныхъ церковныхъ обрядовъ.“

Таковъ безчеловѣчное преслѣдованіе несчаст-

* Brodowicz. Приложеніе. C[illegible]

наго уніятскаго духовенства въ средѣ поляковъ было давно уже возведено въ строгій и опредѣленный принципъ. И въ школахъ, и въ самой жизни одно и тоже говорилось, что уніятъ-русскій, котораго нужно угнетать и преслѣдовать, преслѣдовать до тѣхъ поръ, пока уніятъ, какъ русскій, окончательно не сдѣлается полякомъ-католикомъ. Въ школахъ, которыми въ то время завѣдывали іезуиты и піариты, и гдѣ воспитывались наряду съ католиками и дѣти уніятскихъ священниковъ, по словамъ Бродовича, всегда можно было встрѣтить такую сцену: „Какъ называется ксендзъ по латыни?—спрашивали дѣти у своихъ наставниковъ—іезуитовъ.—Sacerdos, отвѣчали послѣдніе. А какъ попъ?—Sacrificulus.“ Такимъ образомъ еще съ дѣтскаго возраста іезуиты сѣяли въ молодыхъ сердцахъ сѣмена безусловнаго отреченія отъ русской народности. Но въ XVIII в. напоръ іезуитскихъ традицій на судьбы нынѣшняго юго-западнаго края не ограничивался уже только одной школой: все, что было католическаго, ведомаго преступною рукою ксендза—іезуита, все ополчилось, чтобы въ уніятствѣ исчезъ и самый слѣдъ принадлежности къ русской народности. Такъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія Волынское дворянство, двѣ трети котораго по происхожденію принадлежало къ стариннымъ русскимъ родамъ, обратилось къ Варшавскому сейму съ самымъ рѣшительнымъ требованіемъ, чтобы совсѣмъ уже не было уніи, а чтобы все, что есть русскаго, было бы немедленно поглощено католицизмомъ. Выраженіемъ этаго стремленія поляковъ „Голосъ обывателей воеводствъ и уѣздовъ русскихъ къ собравшимся на сеймики и къ чинамъ на сеймѣ“ 1786 г. Этотъ „голосъ“ заключающій въ себѣ соображенія какъ лучше и удобнѣе истребить въ областяхъ рѣчи-посполитой уніятство, въ многочисленномъ количествѣ экземпляровъ былъ распространенъ какъ между ксендзами, такъ и между помѣщиками-католиками, и по своему характеру онъ составляетъ извѣстнаго рода политическій катехизисъ, которому въ то время католики слѣпо вѣровали и съ фанатизмомъ ему слѣдовали. Въ этомъ „голосѣ“, прочимъ говорится, что „важныя причины побуждаютъ замѣнить совершенно русскій обрядъ латинскимъ, чтобы ничего русскаго уже болѣе не оставалось въ Польшѣ.“ И за тѣмъ, въ виду того, что въ русскихъ воеводствахъ и повѣтахъ паны и шляхта обряда католическаго, а ихъ крестьяне—русскаго, что дѣлаетъ значительную разницу въ обрядахъ, весьма неудобную для интересовъ пановъ, іезуитскій „голосъ“ совѣтуетъ имѣвшему скоро собраться въ Варшавѣ сейму употребить самыя энергическія мѣры къ тому, чтобы уже не было въ рѣчи-посполитой никакихъ различій между католическимъ и уніятскимъ обрядами. Это возмутительный совѣтъ „голоса“ формулированъ слѣдующими словами: „Единомысліе членовъ Вселенской Христовой Церкви составляетъ вѣнецъ Евангельскаго ученія, столбъ истинной религіи, залогъ вѣчнаго спасенія, напоминаніе о томъ, плѣнительномъ согласіи, которое ожидаетъ насъ безъ конца въ будущей жизни. Каждый, кто только имѣетъ честь носить званіе дворянина, имѣетъ какое либо значеніе, засѣдаетъ въ совѣтѣ, пользуется духовною, или свѣтскою властію, обязанъ заботиться—распространять и сохранять такое единодушіе. Съ немалымъ душевнымъ прискорбіемъ должно признаться, что въ нашихъ областяхъ *этотъ союзъ единенія* не рѣдко нарушаютъ два обряда одного и того-же вѣроисповѣданія, Римскій и Русскій, а необразованность русскихъ приходскихъ священниковъ и разность обрядовъ навлекаютъ презрѣніе простого народа на тотъ и другой. Русское духовенство умѣетъ искусно распространять то ложное убѣжденіе, что переходъ изъ русскаго обряда въ римскій имъ не дозволенъ; разсказы объ этомъ плодятъ пустые слухи, отъ чего латинскій обрядъ приходитъ въ сомнѣніе и пренебреженіе у простодушныхъ. Самое же русское духовенство, будучи недалекимъ въ наукахъ, и не отличаясь добродѣтелями, приличными духовному сану, часто бываетъ для народа примѣромъ соблазна, бросающимъ тѣнь и на самый обрядъ. Отъ этого на-

дается позоръ, по винѣ русскаго духовенства, на оба обряда. Какое послѣдствіе оттуда вытекаетъ, каждый легко поймете. Теперь нѣтъ уже болѣе, какъ было прежде, людей высшаго происхожденія въ русскомъ обрядѣ. Высшее и нисшее дворянство этого обряда, бывши православнымъ, въ послѣдствіи оставило этомъ расколъ и приняло унію, съ цѣлію облегчить тѣмъ себѣ переходъ въ нѣдра латинской церкви, и это сдѣлало оно съ такою охотою, что въ нынѣшное время едвали кто изъ дворянскихъ родовъ принадлежитъ еще къ русскому обряду. Самое большое число онаго составляютъ поселяне, и то не по своей воли, но отъ дурнаго порядка дѣлъ и невѣдѣнія; далѣе, небольшая горесть бѣдняковъ, ищущихъ вступить въ духовное званіе въ русской церкви. Если же русскій обрядъ удержался только между простонародіемъ, находящимся подъ властію господъ римскаго обряда, то нѣтъ никакого повода бояться отщепенства. Никогда простой деревенскій людъ не былъ падокъ къ расколу. Этотъ послѣдній всегда шелъ отъ лицъ духовныхъ и богатыхъ пановъ, поддерживающихъ ихъ. Изъ теперешнихъ нашихъ гражданъ ни одинъ не станетъ благопріятствовать расколу, напротивъ, скорѣе будетъ удерживать отъ него жителей селъ и ихъ священниковъ, если-бы тѣ и другіе склонялись къ опому. И такъ, важныя причины требуютъ русское исповѣданіе совершенно замѣнить латинскимъ, и притомъ до такой степени, чтобы и помину не было о немъ въ нашемъ краѣ. Причины же эти суть: согласіе въ единомысліи; соблюденіе праздниковъ и постовъ; освобожденіе поселянъ отъ бѣдности, заселеніе края. О согласіи нѣтъ надобности распространяться; извѣстно, какъ часто происходятъ несогласія отъ разности вѣроисповѣдныхъ обрядовъ. Соблюденіе праздниковъ и постовъ производитъ теперь большой безпорядокъ въ нашей землѣ. Извѣстно, что мелкое и высшее дворянство въ русскихъ воеводствахъ и уѣздахъ большею частью латинскаго обряда, крестьяне же ихъ — Русскаго. Того и другаго вся прислуга состоитъ изъ крѣпостныхъ. Поваръ, слуга, кучеръ, пахарь — Русскіе, у которыхъ праздники и посты совсѣмъ не тѣ, что у пана ихъ. Какое замѣшательство! У пана святая, а у слуги только что прошла масляная; у пана праздникъ, у слуги будень; у пана постъ, у слуги, или даже всей прислуги, сплошная; и наоборотъ, у слуги чистый четвергъ и страстная пятница, у пана-жъ Вознесеніе Господне; у прислуги праздникъ, а у пана ни поста ни праздника. Присоедините къ этому *бѣдность и нужды простонародья, проистекающія отъ такого множества праздниковъ по Русскому обряду.* Въ этомъ послѣднемъ такъ много праздниковъ, что самые попы ихъ не знаютъ всѣхъ; одинъ объявляетъ праздникъ, а другой утверждаетъ противное. Отъ того въ одномъ приходѣ работаютъ, а въ другомъ праздничаютъ. Случается и такъ, что на одной и той же недѣлѣ бываетъ по три, даже по четыре, праздника: гдѣ же тутъ мужику заработать на пана и себя? Отсюда неминуемо должны проистекать бѣдность, недостатокъ, нужда. Да и когда эти дни, почитаемые ими праздничными, считались такими? Притомъ народъ вовсе не боится и не уважаетъ своихъ поповъ, въ церковь не ходитъ къ обѣдни, наставленія духовныхъ не слушаетъ, и больше всего занимается лежаніемъ на боку да праздностью. Представить себѣ нельзя какой вредъ отъ того для общества!

Отъ недостатка плохая помощь, отъ слабости болѣзни, а отъ частыхъ болѣзней смерть прежде времени, отъ чего малолюдность въ государствѣ. Причиной же того неумѣренная ревность къ сохраненію многочисленныхъ праздниковъ. Этого не требуютъ ни Святой Іоаннъ, ни святой Николай ни святой Георгій, т. е. чтобы нѣсколько дней въ годупраздновалось въ честь ихъ. Святые скорѣе желаютъ, бы люди трудились и, содержа себя дѣломъ рукъ своихъ, славили творца и служили ему искренно производительностію своею. Эти немногія соображенія показываютъ, какъ необходимо государственнымъ чинамъ, собравшимся теперь на Сеймъ, позаботиться о томъ, *чтобы какъ можно скорѣе произошло соединеніе Русскаго обряда съ*

Латинскимъ. Однако, могутъ встрѣтиться трудности при осуществленіи этого, каковы напримѣръ: безъ согласія папскаго престола нельзя того сдѣлать, или не легко основать фундацію для приходскихъ священниковъ Латинскаго обряда. Въ отвѣтъ на эти два препятствія скажемъ: во первыхъ: переходъ свѣтскимъ лицамъ изъ Русскаго обряда въ Латинскій *не запрещается* ни какимъ церковнымъ закономъ, каждый можетъ это сдѣлать во всякое время, также вольно всякому убѣждать и склонять къ переходу, если есть на то достаточныя причины. Русское духовенство приводитъ въ свою пользу постановленія Урбана VIII—1621 и 1624 г. Но уже то одно, что постановленія эти не совсѣмъ прямо относятся къ лицамъ свѣтскимъ, показываетъ, что ихъ можно и должно считать *натяжкой.* Ибо папскія постановленія запрещаютъ переходъ изъ Русскаго обряда въ Римскій въ нашей землѣ только лицамъ духовнымъ, отнюдь же не свѣтскимъ. Говорю „въ нашей землѣ," потому что были частныя распоряженія папъ, касательно чужихъ краевъ, вовсе не относящіяся къ нашимъ областямъ. Святой Отецъ, постановляя правила для прочихъ народовъ, ни мало не думалъ подчинять имъ нашихъ областей. Наконецъ: если бы нужно было обратиться за совѣтомъ къ папскому престолу касательно обращенія простаго народа въ Римскій обрядъ, безъ сомнѣнія, онъ легко дастъ намъ свое согласіе, требуя только, чтобы при томъ соблюдались безпристрастіе, постепенность, ласковость, любовь и *ревность ко спасенію душъ, погруженныхъ въ невѣдѣніе и вовсе чуждыхъ свѣта истинной вѣры.* Другое препятствіе легче можно устранить, чѣмъ первое, потому что оно только послѣдствіе этого, и когда перваго не станетъ, тогда оно будетъ зависѣть отъ воли чиновъ государственныхъ. Русскіе приходы во многихъ мѣстахъ находятся рука объ руку съ приходами Латинскими. Какъ далеко приходъ Латинскаго обряда простирается между шляхтою, такъ далеко и подданные ихъ могутъ принадлежать ихъ Латинскимъ костеламъ. Если бы же и по соединеніи нашелся какой приходъ слишкомъ большой и многолюдный, то въ такомъ случаѣ церкви могутъ служить вмѣсто костеловъ, дома священниковъ домами для ксендзовъ, а усадьбы первыхъ, которыя очень не большія, огородами для нихъ, пенсія на содержаніе изъ имѣній Епископовъ и Архіепископовъ Русскихъ. Остальное же, по уничтоженіи Епископовъ и Архіепископовъ, пошло бы въ казну рѣчи—посполитой." *

Безспорно, этотъ іезуитскій проэктъ не могъ пройти безслѣдно, такъ какъ онъ самъ по себѣ служилъ весьма яркимъ выраженіемъ стремленій ксендзовъ и католическихъ паповъ по отношенію къ русскому крестьянству и уніятскому духовенству. Что же касается вообще значенія „голоса" для рускаго народа въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, то это видно изъ знаменательнаго отвѣта на „голосъ," написаннаго извѣстнымъ поборникомъ православія въ русскихъ областяхъ Архіепископомъ Конисскимъ, и адресованнаго къ уніятскому митрополиту и вообще ко всему уніятскому духовенству: „Вы полагали и глубоко вѣровали до сихъ поръ въ то, что составляете истинный образъ неразрывной вѣры и христіанской любви, соединенные въ неразрывное тѣло съ римскою церковью такъ, какъ это было въ давно прошедшіе святые вѣка: теперь же посмотрите, что замышляютъ надъ вами братья ваши римскіе католики. Едвали апостольская столица желаетъ этаго; но если она не могла предотвратить вашего несчастія, то навѣрно не спасетъ васъ, отъ окончательной гибели, которая постигнетъ васъ если не теперь, то въ будущемъ. Подумайте же теперь объ этомъ и лучше всего поступите такъ, какъ сдѣлали православные и диссиденты: не въ силахъ будучи терпѣть невыноснаго и тяжкаго гоненія за вѣру, они искали у высокихъ сосѣднихъ державъ обороны и защиты; а для нихъ въ то время раздавался такой же роковой голосъ истребленія, какой теперь для васъ: они чрезъ то не переставали быть добрыми гражданами рѣчи-посполитой

* Чтенія Император. Общества исторіи и древностей. 1862 г. кн. 4-я.

и не признаются клятвопреступниками и невѣрными своему монарху и отечеству. И вамъ нечего бояться прослыть вѣроломными и измѣнниками отечества, если вы обратитесь къ высокому покровительству непобѣдимой всемилостивей императрицы всероссійской.... И вы, подъ высокою и кроткою защитою, можете остаться счастливо и невредимо, и покинувши внушенное вамъ, отъ вашихъ губителей, расположеніе къ неунитамъ и неправильное предубѣжденіе можете сдѣлаться орудіемъ и счастливымъ средствомъ для привлеченія ихъ къ той уніи, которая утверждается на любви и мирѣ во Христѣ, о которой святая и вселенская церковь римская, и греческая ежедневно проситъ у Бога". *

III.

Покровительство, оказываемое постоянно Россіей православнымъ въ областяхъ рѣчи-посполитой, заключало въ себѣ дѣло огромной важности,— съ нимъ безпорно соединялся вопросъ о вмѣшательствѣ Россіи во внутреннія дѣла Польши. Въ продолженіи вѣковъ, начиная съ Ивана III, идетъ это заступничество Россіи за угнетенныхъ православныхъ, заступничество, сопровождаемое кровопролитными и разорительными войнами. Польскіе короли въ договорахъ обязывались содержать православныхъ по давнимъ правамъ, но эти обязательства всего менѣе могли быть въ то время исполнены. Религіозный фанатизмъ, которымъ была пропитана вся политическая жизнь поляковъ, всего менѣе былъ расположенъ уступить какимъ-бы то нибыло ходатайствамъ Россіи за угнетенныхъ православныхъ и участь послѣднихъ, не смотря на требованія Россіи, нисколько не облегчались. Поляки съ молокомъ матери всосали ненависть ко всему не католическому, считая всякого православнаго и вообще не исповѣдывающаго католическую вѣру за еретика, проклятаго Богомъ. Только со вступленіемъ на престолъ Екатерины II начинается рѣшительный поворотъ въ положеніи православныхъ. Въ 1766 г. русскій министръ Рѣпнинъ предъявилъ въ Варшавѣ грозное требованіе о признаніи за православными свободы вѣроисповѣданія, угрожая въ противномъ случаѣ подкрѣпить это требованіе вооруженною силой. Это было величайшимъ ударомъ для національнаго самолюбія поляковъ и еще больше разожгло ихъ религіозный фанатизмъ. Послѣ 1766 года идетъ уже рядъ тѣхъ энергическихъ требованій, противъ которыхъ полякамъ ни въ какомъ случаѣ нельзя было устоять, какъ ни шумѣли постоянно они, и какъ ни старался за поляковъ папскій нунцій. Но какъ бы то нибыло, неотразимое покровительство Россіи дѣлу православныхъ принесло довольно ощутительныя результаты. По трактатамъ 1768 и 1771 г. всѣ православные церкви обращенныя прежде въ Унію должны быть опять возвращены православію—и за православными была признана полная вѣротерпимость. Въ то же время рѣшено было учредить въ польскихъ областяхъ епископскую каѳедру. Это необходимо нужно было сдѣлать потому, что православные въ польскихъ владѣніяхъ, находясь въ духовномъ отношеніи къ зависимости отъ Россійскаго Синода, до сихъ поръ лишены были мѣстнаго архіерея. Выборъ въ епископы палъ на человѣка въ высшей степени энергическаго,—архимандрита Слуцкаго монастыря Виктора Садковскаго. Такимъ образомъ обстоятельства сложились такъ, что православные въ польскихъ областяхъ, подчинялись Русскому Синоду въ духовномъ отношеніи, признавая за Русской Императрицей право и обязанность быть ихъ защитницею въ польскомъ государствѣ, въ тоже время рѣшились выступить съ требованіемъ выполненія трактатовъ— заключенныхъ между Польшею и Россіею. Дѣятельность знаменитаго архіепископа Бѣлорусскаго Конисскаго по этому вопросу извѣстна; что же касается Садковскаго, то этотъ энергическій епископъ въ высшей степени оправдалъ надежды православныхъ. Благодаря ему въ короткое время въ польскихъ областяхъ изъ девяносто четырехъ православныхъ приходовъ, образовалось триста. Съ первыхъ же дней своего назначенія въ епископы, Садковскій повелъ дѣла такъ, что не могъ

* Anexy do relacyi deput. w mat. o bunt.

не раздражить фанатическихъ поляковъ. То жалуясь на уніятскаго митрополита, что онъ совращаетъ православныхъ въ Унію, то требуя отъ польскаго правительства, чтобы католики перестали называть православную вѣру схизмою, Садковскій, русскій по рожденію, но давшій присягу на подданство королю и рѣчи-посполитой, въ своихъ требованіяхъ, обращенныхъ къ королю, не прибѣгалъ къ безполезнымъ богословско-догматическимъ толкованіямъ основаній своего домогательства, а просто ссылался на трактаты, на основаніи которыхъ Россія вправѣ требовать освобожденія православныхъ въ польскихъ владѣніяхъ отъ гнета католической пропаганды. Въ концѣ концовъ епископъ Садковскій въ глазахъ поляковъ оказался человѣкомъ въ высшей степени опаснымъ. Дѣйствительно, чрезвычайное отпаденіе отъ Уніи православныхъ, съ назначеніемъ Садковскаго епископомъ, не могло не вызвать самаго отчаяннаго озлобленія противъ него. Полякамъ потрачено нѣсколько вѣковъ, чтобы задушить ненавистную имъ *схизму*, и вдругъ, по милости энергическаго епископа, вѣковые труды латинства ускользаютъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Поляки неспособны были понять, что подобное легкое отпаденіе отъ Уніи не можетъ совершаться подъ вліяніемъ духовенства или *москалей*, а, напротивъ, оно являетсякакъ результатъ существованія въ народѣ самобытныхъ побужденій — признавать и любить то, что ему по сердцу, или ненавидѣть и отрицать все то, что не любо ему. Установивъ право и власть не только надъ тѣломъ, но и надъ душой крестьянина, польскій панъ счелъ-бы величайшимъ оскорбленіемъ для своей шляхетской гордости, если бы допустилъ въ своемъ умѣ признаніе за *безсловесными скотами*, какъ называли папы, да и теперь, во второй половинѣ XIX в., величаютъ они русскихъ крестьянъ, возможность заявить, помимо панской воли и желанія, признаки его народнаго самосознанія. Тѣмъ не менѣе, Садковскій, въ глазахъ поляковъ, оказался человѣкомъ весьма опаснымъ для ихъ существованія. Рѣшили они, что епископъ съ его симпатіями къ Россіи, съ его настойчивостью въ дѣлѣ защиты интересовъ православныхъ, главный виновникъ всѣхъ бѣдъ, всѣхъ замѣшательствъ, постигшихъ Польшу въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Когда началось преслѣдованіе крестьянъ и уніятскаго духовенства, предполагая, что они затѣваютъ новый мятежъ, польскіе паны, давно не спускавшіе глазъ съ епископа Садковскаго, рѣшили захватить его — отправить въ Варшаву и предать суду. Мы увидимъ ниже—какъ случилось это насиліе подъ русскимъ архіереемъ, а теперь возвратимся къ первому періоду устроенныхъ поляками казней крестьянъ и священниковъ, воображая послѣднихъ, что вотъ-вотъ они, взявъ ножи въ руки, пойдутъ истреблять *ляха, жида и унію*.

Выше мы говорили, какъ дьячекъ Яроцкій, подъ вліяніемъ выпитаго вина, разгулялся и, отплясывая, произнесъ угрозу противъ ляховъ и жидовъ, за что поляки и повѣсили его. Перейдемъ теперь къ послѣдовательному разсказу о томъ, какъ цѣлая вереница священниковъ и крестьянъ пошла на казнь.

IV.

Недоставало только одного слуха о мятежныхъ замыслахъ уніятскаго духовенства, о намѣреніяхъ его участвовать въ крестьянскомъ бунтѣ и быть его вождемъ, чтобъ окончательно взволновать и безъ того уже возбужденное польское общество. Еще не остылъ трупъ повѣшеннаго дьячка Семена Яроцкаго, поплатившагося своею жизнью за выходку, произнесенную имъ въ пьяномъ видѣ, какъ въ средѣ Волынскихъ пановъ раздались вопли, формально и рѣшительно обвинявшіе все уже уніятское духовенство, что оно будто бы готово своею святотатственною рукою направить страшные ножи на пановъ. Мы уже говорили, какія подозрѣнія возбудилъ между панами тотъ фактъ, что маркитанты останавливаются въ домахъ священниковъ. Немного прошло времени, какъ это подозрѣніе перешло въ прямое и формальное обвиненіе, что уніятское духо-

венство дѣйствительно стоитъ за одно съ маркитантами и мятежными крестьянами. Начались аресты. Жолнѣры и милиціонеры стали хватать уніятскихъ священниковъ гдѣ попало и представлять въ слѣдственныя коммиссіи. Въ Варшаву то и дѣло летали гонцы за гонцами съ грозными извѣстіями. Но такъ какъ еще не довольно опредѣлились факты, по которымъ бы можно обвинить въ чемъ либо уніятовъ, то паны прибѣгли къ обычному своему пріему: то пытками и угрозами, то подкупами и обѣщаніямъ всякаго рода, они заставляли своихъ крестьянъ клеветать на священниковъ. Ни какія средства не разбирались для того, чтобъ такъ или иначе обвинить уніятское духовенство и потопить его въ его же крови.

Послѣ казни дьячка Яроцкаго первыми жертвами изъ уніятскаго духовенства, попавшими въ хищные когти коммиссіи, были священники: Костюшкевичъ, изъ Колковъ, и Борковскій, изъ Старосиля. На нихъ пало обвиненіе, что они будто бы подговаривали своихъ прихожанъ къ бунту. Они оба, впредь до изслѣдованія ихъ вины, заключены въ тюрьму. Въ то же время въ коммиссію поступило донесеніе, что у священника Лукаевича, изъ села Сусска, ночевалъ маркитантъ, и что оба они вели между собою будто бы возмутительныя рѣчи. Лукаевичъ показался коммиссіи весьма важной персоной, и за нимъ отправился коммиссаръ Каетанъ Аксакъ, чтобы, заарестовавъ его, привезти въ Луцкъ. Лукаевичъ былъ человѣкъ едва грамотный, бѣдный и запуганный подобно всѣмъ остальнымъ сельскимъ священникамъ. И этого-то бѣдняка коммиссаръ Аксакъ везъ съ собой въ страшную коммиссію.

— За что везутъ и куда везутъ,—вотъ вопросы, о рѣшеніи которыхъ просилъ и вымаливалъ въ дорогѣ бѣдный священникъ у Аксака.

— Ты, попъ, долженъ отвѣтствовать предъ коммиссіею за то, что позволилъ въ своемъ домѣ ночевать маркитанту, грозно отвѣчалъ коммисаръ.

Священникъ окончательно упалъ духомъ и началъ просить коммиссара научить его, какъ и о чемъ говорить въ коммиссіи; такая просьба надоумила коммиссара заставить, во чтобы то ни стало простодушнаго и недалекаго священника наговорить въ коммиссіи на себя и на своихъ собратій небылицы о маркитантахъ, о мятежныхъ замыслахъ; все это было весьма желательно коммисару, и не могло не быть, конечно, пріятнымъ и коммиссіи, которая еще не достаточно окунулась въ крови замученныхъ ею крестьянъ.

— Не бойся попъ, говорилъ въ дорогѣ хитрый Аксакъ; ничего тебѣ худого не будетъ, если только скажешь въ коммиссіи, что ночевалъ въ твоемъ домѣ маркитантъ и подстрекалъ тебя къ бунту и показывалъ тебѣ письмо императрицы (Екатерины II), призывающее къ бунту, но что ты ни на что не согласился.

— Но вѣдь этого не было, возражалъ священникъ,—правда, былъ разговоръ о томъ, что *Москва* съ кѣмъ то воюетъ, былъ также разговоръ и о томъ, что и поляки собираютъ войска, быть можетъ также думаютъ съ кѣмъ нибудь воевать, но больше небыло разговоровъ.

— Но развѣ, попъ, недостаточно тебѣ этого? Вѣдь это маркитантъ говорилъ тебѣ, что Москва готовится идти войной на поляковъ, и ты долженъ былъ догадаться, что этотъ маркетантъ подучалъ тебя, что бы ты взбунтовалъ противъ насъ хлоповъ; когда явишься въ коммиссію, объяви, что маркетантъ подговаривалъ тебя къ бунту и указъ о томъ императрицы показывалъ тебѣ—иначе погибнешь, и пропадетъ жена твоя и дѣти, а искренно мнѣ жаль тебя.

И какъ бы въ подтвержденіе своего соболѣзнованія, коммиссаръ вручаетъ бѣдному священнику два червонца, говоря, что деньги эти пригодятся на прожитіе въ Луцкѣ, во время производства слѣдствія, наконецъ сулитъ простодушному Лукаевичу еще большую денежную награду, если только поведетъ хорошо дѣло.

— Но буду ли я вольнымъ, на свободѣ, если только стану такъ говорить въ коммиссіи, какъ ты, панъ, мнѣ велишь?—спросилъ совсѣмъ потерявшійся священникъ, обнимая ноги такого *велико-*

душнаго коммиссара Аксака; но послѣдній клянется и увѣряетъ, что не только будетъ свободенъ, но еще получитъ огромную награду. Священникъ рѣшился послѣдовать этому предательскому совѣту.

Дѣло было улажено. Лукаевичъ запуганный, растерявшійся, съ одной мыслью спасти себя, жену и дѣтей, привезенъ Аксакомъ въ Луцкъ, готовый дать въ коммиссіи какія угодно показанія. Въ назначенный день его привели въ коммиссію. Здѣсь собрались коммиссары, ксендзы, высшее уніятское духовенство и множество пановъ. Здѣсь же находился и Аксакъ. Отъ Лукаевича коммиссія потребовала сознаніе, какъ маркитантъ подстрекалъ его къ бунту и подучалъ взбунтовать крестьянъ. Лукаевичъ, согласно наставленію Аксака, объявилъ, что будто бы маркитантъ, ночуя у него, дѣйствительно совѣтовалъ ему взбунтовать противъ поляковъ крестьянъ села Сусска и при этомъ показывалъ ему какое то *Московское* писаніе, котораго онъ впрочемъ не прочиталъ, но видѣлъ только-что оно подписано буквами „Екат.....“ Этого мало. Маркитантъ будто бы увѣрялъ его, что царица изъявляетъ на это свою волю, и если кто исполнитъ ея желаніе, тотъ получитъ великую награду,

Признаніе Лукаевича, сдѣланное такъ торжественно, пришлось какъ разъ на руку и коммиссіи, и панамъ. Одни изъ нихъ были поражены, такимъ открытіемъ и совершенно убѣдились, что вотъ, наконецъ, открытъ источникъ всѣхъ смутъ и тревогъ; другіе, по обыкновенію поляковъ, начали сыпать воинственныя угрозы противъ Россіи. Одинъ только Бродовичъ, находившійся здѣсь же въ коммиссіи, какъ говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, замѣтилъ немалое смущеніе Лукаевича въ то время, когда онъ давалъ показаніе и вполнѣ убѣдился, что поляки ловко воспользовались невѣжествомъ попа для такого ужаснаго дѣла.“

Но однимъ показаніемъ Лукаевича коммиссія все таки не могла удовольствоваться; потребовано было, чтобы онъ подтвердилъ свое показаніе присягой. Наступила для него рѣшительная минута: онъ или долженъ былъ отказаться отъ своихъ словъ, и быть, пожалуй, повѣшеннымъ, или же рѣшиться на клятвопреступленіе, что бы спасти свою жизнь. Лукаевичъ рѣшился на послѣднее. Дрожащій и смущенный, онъ смотрѣлъ на Аксака, метавшаго на него грозные взоры, и присягнулъ на томъ, что все, что говорилъ онъ,—все справедливо. Впослѣдствіи Аксакъ въ веселой компаніи, за стаканомъ венгерскаго вина, любилъ разсказывать, какъ онъ ловко съумѣлъ опутать Лукаевича. *

Паны и ксендзы были очень довольны такой счастливой находкой какъ Лукаевичъ, и, конечно, стали осыпать его ласками и похвалами. До сихъ поръ запуганный, презрѣнный въ глазахъ пановъ, сельскій уніятскій священникъ, привыкшій, по милости польскихъ порядковъ, только кланяться вельможнымъ панамъ и вымаливать у нихъ то кусокъ хлѣба, то пощады отъ шляхетской нагайки, словомъ—человѣкъ экономической и нравственной неволи, теперь очутился въ средѣ пановъ, оказывавшихъ ему всевозможное вниманіе. Распросовъ со стороны пановъ было, конечно, много собственно о томъ, какъ ночевалъ у Лукаевича маркитантъ, какъ онъ возбуждалъ его взбунтовать крестьянъ. И вотъ бѣдный Лукаевичъ, сдѣлавшись орудіемъ злобы пановъ на все русское, рѣшилъ, что чѣмъ лучше будетъ лгать въ такую рѣшительную минуту, тѣмъ болѣе угодитъ панамъ. „Я не хотѣлъ, говоритъ панамъ Лукаевичъ, даже и пускать маркитанта къ себѣ ночевать, да мать моя сказала, что не ужели жиды окажутся насъ добрѣе? Почему же намъ нельзя! Маркитантъ мнѣ и началъ говорить, что поляки хотятъ воевать съ москалями, да царица съумѣетъ усмирить ихъ. Вотъ она скоро пришлетъ сына Гонты, тотъ постарается выбрать куколь изъ пшеницы и всѣхъ собакъ — ляховъ перерѣжетъ, чтобъ не *лаяли*! Я ему сказалъ: — чѣмъ же поляки виноваты? А онъ мнѣ въ отвѣтъ: распустились какъ собаки:

* Бродовичъ, Widok przemocy na slabo niewin. т. 1. стр. 25, 26.

ѣдятъ мясо въ постъ! Говорилъ мнѣ онъ потомъ, что такихъ, какъ онъ, маркитантовъ и извощиковъ по Руси ходятъ тысячи три.

Тотъ часъ, послѣ признаній, сдѣланныхъ въ коммиссіи Лукаевичемъ, сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы во что бы то ни стало розыскать заговорщика-маркитанта. Коммиссія и паны пришли въ самое крайнее возбужденіе и окончательно потеряли разсудокъ. Рѣшили, что уніятскій епископъ идетъ рука объ руку съ подчиненными ему сельскими уніятскими священниками; что всѣ вообще священники, вмѣстѣ съ епископомъ, ожидаютъ только удобнаго времени для приведенія въ исполненіе своего кроваваго замысла противъ пановъ. Всѣ эти, благодаря священнику Лукаевичу, открытія о заговорщикахъ-маркитантахъ, конечно, сдѣлались немедленно извѣстными всему панству, жившему по селамъ и хуторамъ. Для послѣдняго ничего не стояло и съ своей стороны взволноваться и, усвоивъ себѣ полицейскую власть, заняться преслѣдованіями и арестомъ сельскихъ уніятскихъ священниковъ, не руководясь уже при этомъ какими либо указаніями и предписаніями коммиссіи, а просто дѣйствуя по своему усмотрѣнію. Преимущественно на этомъ пути отличалась мелкая шляхта, различные арендаторы имѣній, которые, вмѣстѣ съ самымъ отчаяннымъ невѣжествомъ и религіознымъ фанатизмомъ, соединяли въ себѣ и самую крайнюю ненависть ко всему русскому. Такимъ образомъ, паны, помѣщики и поссесоры, руководимые ксендзами, вообразивъ разсыпанную по всему краю армію маркитантовъ, подстрекающую и крестьянъ и священниковъ къ кровавому возстанію, зажили только одной задачей—какъ бы по больше захватить уніятскихъ священниковъ въ свои руки и, разъ на всегда, избавиться и отъ нихъ, и отъ маркитантовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ *доказать Москвѣ* ея страшные замыслы относительно Польши. Въ четвергъ, на страстной недѣлѣ, поссесоръ имѣнія Шипра, Соболевскій, доставилъ въ Луцкъ въ ножныхъ колодкахъ, пять священниковъ изъ сосѣднихъ съ его имѣніемъ селъ: Збужа, Постойнаго, Берестянъ, Мицка, Осницы и Вербча. Соболевскій давно питалъ уже къ нимъ ненависть, и теперь рѣшился воспользоваться случаемъ, чтобъ выместить на нихъ свою злобу. Трое священниковъ, давшіе ему хорошій выкупъ, были освобождены; но двое другихъ, обвиненные въ заговорѣ и не давшіе выкупа Соболевскому, брошены въ тюрму на долгое время, пока, впослѣдствіи, присягой не доказали, уже въ гродскомъ судѣ, свою невинность.

Схваченъ былъ также священникъ изъ села Рафаловки—имѣнія пана Олизара, бывшаго коронаго стольника. Милиціонеры повели его въ Луцкъ чрезъ мѣстечко Чарторыйскъ. По какому то случаю, въ то время, когда вели его чрезъ мѣстечко, тамъ на улицахъ находилась толпа народа, увидя которую, священникъ закричалъ: „Гвалтъ! Ратуйте! Ото ляхи якъ чорты беруть жене.“ По привозѣ въ коммиссію, священнику вмѣнено было въ преступленіи его крики въ м. Чарторыйскѣ. Коммиссаръ Требуховскій закричалъ: „повѣсить попа!“ Его дѣйствительно повѣсили бы, если бы на тотъ разъ не пришло отъ сейма воспрещеніе коммиссарамъ казнить смертью.

Тревога между панами особенно усилилась, когда пріѣхалъ въ Луцкъ Владимірскій подстароста Іосифъ Заленскій. Онъ привезъ свѣдѣнія, что маркитанты разсылаютъ и по Владимірскому повѣту воззванія мятежнаго содержанія, въ которыхъ духовенство, вмѣстѣ съ крестьянами, приглашается пристать къ маркитанскому войску. Какой-то съумашедшій нищій, схваченный милиціонерами, на допросахъ показывалъ, что онъ разносилъ различнымъ священникамъ эти мятежныя воззванія, и что этому подъучили его москали-маркитанты. Священники, на которыхъ указалъ этотъ нищій, были тотчасъ же схвачены и подвергнуты допросу, на которомъ всѣ въ одинъ голосъ утверждали подъ присягой, что никогда не знали и невидѣли въ своихъ домахъ этого нищаго. Тогда судъ принялся за нищаго; оказалось на допросѣ, что онъ уроженецъ села Торчина, принадлежащаго Луцкому уніятскому епископу, гдѣ имѣетъ и родныхъ. На вопросъ относительно

возмутительныхъ воззваній, съумашедшій нищій вѣчалъ, что оставшіеся отъ розданныхъ священникамъ экземпляры этихъ воззваній спрятаны въ соломенной крышѣ хаты его родственника. Владимірскіе судьи потащили нищаго въ село Торчино, и, по пріѣздѣ туда, тотчасъ допросили одного изъ крестьянъ, котораго онъ назвалъ своимъ родственникомъ. Крестьянинъ родственникомъ этаго нищаго себя не призналъ. Тогда судъ рѣшилъ допросить другихъ Торчинскихъ крестьянъ, — всѣ дали показаніе, что нищаго этаго они никогда и въ глаза не видѣли, словомъ, въ Торчинѣ всѣ отъ нищаго отреклись. Наконецъ спросили его судьи: гдѣ та хата, въ которой спрятаны возмутительныя воззванія?—нищій указалъ, и ее начали осматривать самымъ наитщательнѣйшимъ образомъ,—разумѣется въ крышѣ ничего ненашли. Казалось, послѣ всего этого, судьямъ слѣдовалобы успокоиться и на обвиненія полуумнаго нищаго не обратить никакого вниманія,—вышло совершенно противное. Нищій, по рѣшенію подстаросты, былъ повѣшенъ, а указанные суду имъ священники, которымъ будто-бы онъ носилъ отъ маркитантовъ возмутительныя воззванія, брошены въ тюрьмы. Между тѣмъ, гдѣ то на Волыни, схватили русскаго маркитанта, на котораго сослался въ коммиссіи священникъ Лукаевичъ, и привезли его закованнаго въ Луцкъ. Въ коммиссіи, на очныхъ ставкахъ съ священникомъ Лукаевичемъ, маркитантъ утверждалъ, что никогда не возбуждалъ Лукаевича къ бунту противъ пановъ и никакого указа, подстрекающаго поповъ и крестьянъ къ бунту, ему не показывалъ, и, конечно, такого указа никогда у себя не имѣлъ и не могъ имѣть; что давалъ читать Лукаевичу только свой паспортъ, а не указъ; что въ бесѣдѣ своей съ священникомъ Лукаевичемъ дѣйствительно упомянуто было о войнѣ Россіи съ Турціею; была также рѣчь и о томъ, что недаромъ и поляки собираютъ свои войска; но вся эта бесѣда съ Лукаевичемъ не имѣла никакого значенія относительно какихъ-бы то нибыло кровавыхъ замысловъ противъ пановъ—это былъ просто пріятельскій разговоръ; далѣе маркитантъ добавилъ, что какъ русскій купецъ, онъ пріѣхалъ на Волынь по торговымъ дѣламъ. Произвели коммиссары за тѣмъ у него тщательный обыскъ съ цѣлью отыскать пресловутый указъ русской Императрицы, о которомъ священникъ Лукаевичъ далъ такое курьезное показаніе въ коммиссіи, — указа не нашли. Тѣмъ не менѣе коммиссары рѣшили его повѣсить.

Передъ казнью коммиссары и паны объявили несчастному маркитанту, что если онъ сознается въ томъ, что подосланъ на Волынь русской Императрицей подговаривать поповъ и крестьянъ къ бунту, то будетъ избавленъ отъ смертной казни.

— Я не желаю сохранить себѣ жизнь, наклеветавъ на мою государыню, отвѣчалъ коммиссарамъ русскій коробейникъ.

Въ пятницу на страстной недѣлѣ назначена была его казнь. Его исповѣдывалъ сѣдой Базиліанскій монахъ Болга. Во время исповѣди коробейника, онъ нѣсколько разъ произносилъ: „напрасно гибну“! Милиціонеры и находившіеся здѣсь паны-фанатики во время исповѣди стали ругаться надъ сѣдымъ монахомъ, а потомъ закричали: „пусть этотъ бородатый еретикъ перестанетъ его исповѣдовать: онъ подговариваетъ его на рѣзню“. За тѣмъ русскій маркитантъ былъ повѣшенъ. *

Варшавскій сеймъ внимательно слѣдилъ за событіями, разыгравшимися на Волыни и, конечно, его не могло не поразить такое удивительное признаніе священника Лукаевича, слѣдствіемъ котораго былъ арестъ, а потомъ и казнь русскаго коробейника. Какъ бы то нибыло, сейму пожелалось увидѣть Лукаевича и потому предписано было Луцкой коммиссіи выслать его въ Варшаву, чтобы лично, изъ его устъ, освѣдомиться о русскихъ коробейникахъ и о заговорахъ противъ пановъ. Задача для коммиссіи дана не малая:—нужно было научить простака Лукаевича какъ говорить и дѣйствовать въ Варшавѣ, тѣмъ болѣе, что Луцкіе коммиссары, какъ видно, были не совсѣмъ убѣждены въ истинѣ его показаній и въ пра-

* Бродовичъ, т. I. 29 и 30.

вильности своего суда надъ коробейникомъ и потому боялись, чтобъ Лукаевичъ въ Варшавѣ не далъ показанія противурѣчившаго тому, какое онъ далъ въ Луцкой коммиссіи.

Коммиссары вызвали къ себѣ Лукаевича. Объявивъ ему, что требуютъ его въ Варшаву для того, чтобы разсказать предъ сеймомъ исторію подговора его русскимъ коробейникомъ къ бунту, коммиссары прочитали ему его показанія, данныя въ коммиссіи относительно коробейника и затѣмъ объявили ему, что если онъ будетъ говорить тоже самое въ Варшавѣ, что и въ Луцкѣ, то получитъ отъ сейма большую награду, въ противномъ же случаѣ будетъ преданъ страшной казни. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней шло обученіе бѣднаго простака Лукаевича—какъ ему говорить предъ сеймомъ; а затѣмъ убѣдившись, что онъ твердо выучилъ свою роль, одѣли его и, давъ на дорогу денегъ, отправили его въ Варшаву. Роль, которой обучили его въ Луцкѣ, исполнена была въ Варшавѣ очень вѣрно, такъ что между сеймовыми депутатами не нашлось ни одного честнаго человѣка, который бы усомнился въ истинѣ всей исторіи о русскихъ коробейникахъ, навязанной бѣдному священнику Луцкими коммиссарами. Лукаевича одарилъ сеймъ двумя тысячами злотыхъ, далъ ему медаль и похвальную грамоту. Въ послѣдней изложена была заслуга попа предъ отечествомъ, заключавшаяся въ томъ, что не смотря на подстрекательство маркитанта, онъ не присталъ къ бунту и далъ такія обстоятельныя показанія коммиссіи о заговорѣ противъ пановъ.*

Между тѣмъ въ то время, когда совершалась вся эта трагикомедія, въ Кременцѣ, Житомирѣ, Махновкѣ, Владимірѣ, Хмельникѣ, Брацлавѣ, Луцкѣ, Дубнѣ и въ другихъ городахъ тюрьмы были переполнены арестованными священниками и крестьянами. Обвиненныхъ вѣшали, рубили имъ головы, сѣкли нагайками,—сперва по спинѣ, потомъ, перевернувши на взничъ, по груди и животу, такъ что многіе, вслѣдствіе этихъ истязаній, распухали и умирали. Словомъ для русскаго народа наступило страшное, ужасное время.

Послѣднюю, такъ называемую страстную недѣлю по русскому календарю, поляки въ Луцкѣ провели въ величайшемъ смятеніи. Кто-то распустилъ слухъ, что маркитанты, крестьяне и попы на первый день пасхи непремѣнно начнутъ рѣзню. Жиды и милиціонеры взялись за оружіе и заявили готовность встрѣтить непріятеля съ надлежащею храбростью. Въ самую Великую Субботу по городу вдругъ пронеслась вѣсть, что армія поповъ, маркитантовъ и крестьянъ съ грамотами императрицы Екатерины II уже приближается къ Луцку, чтобы начать истребленіе поляковъ и жидовъ. Луцкій комендантъ, онъ же и судья гродскій, панъ Загурскій, съ отрядомъ конныхъ милиціонеровъ выѣхалъ изъ города въ поле, на встрѣчу страшному непріятелю; но въ полѣ ни какого непріятеля не нашли, тѣмъ не менѣе храбрецамъ что-то въ туманѣ показалось; тогда одинъ изъ милиціонеровъ, отважнѣе своихъ товарищей, бросился туда,—оказалось, что это было нѣсколько крестьянокъ возвращавшихся изъ Луцка домой. Богатыри такъ ни съ чѣмъ возвратились въ Луцкъ. Между тѣмъ коммиссія отдала приказъ, чтобы всѣ ночныя богослуженія (послѣдованіе Господнихъ страстей и пасхальная заутреня), были запрещены. Въ этомъ смыслѣ, по желанію коммиссіи, и сдѣлано было надлежащее распоряженіе уніятскимъ епископомъ Стефаномъ Левицкимъ, человѣкомъ слабымъ, нерѣшительнымъ, и, можно сказать, ничтожнымъ, если принять въ соображеніе его поступки и дѣйствія въ это смутное время;* но такъ какъ, по обширности Луцкаго и Острожскаго епископства, не всѣ священники могли узнать скоро объ этомъ распоряженіи, то они и отправляли богослуженіе въ упомянутые дни, за что впослѣдствіи были привлечены къ суду какъ непослушные и бунтовщики. За тѣмъ епископъ обратился съ своимъ воззваніемъ отъ 16 апрѣля ко всему подвѣдомому ему духовенству, которому онъ предписывалъ, дабы они внушали крестъ-

* Книга гродская Луцкая записовая 1789 г., хранящ. въ Кіев. центральномъ архивѣ, № 107, л. 672.

* Бродовичъ, т. I, стр. 34—37.

янамъ быть вѣрными и послушными своимъ панамъ и чтобъ умоляли Бога объ *отвращеніи опасности, грозящей отчизнѣ.*

„Съ немалымъ сокрушеніемъ сердца, говорится въ епископскомъ воззваніи, узнали мы, что будто-бы въ епархіи нашей большое число пасомыхъ вами овецъ, увлекшись какимъ-то особеннымъ духомъ и неосновательными надеждами, не только нарушили должное къ своимъ, *отъ Бога поставленнымъ, панамъ* послушаніе и уваженіе, но даже осмѣлились во многихъ мѣстахъ произносить угрозы на самую жизнь какъ ихъ, такъ управителей и другихъ. На это то заблаговременно обращена самая строгая бдительность провидѣніемъ Всевышняго, отеческою заботливостью пресвѣтлѣйшаго короля и чиновъ всепресвѣтлѣйшей Рѣчи Посполитой, а также достохвальнымъ стараніемъ обывателей преславнаго Волынскаго воеводства. Поэтому-то, дражайшіе, боимся мы, и, по долгу пастырской обязанности, сильно озабочиваемся, чтобы, сохрани Боже, эти заблудшія овцы не приписывали-бы своего паденія вашему нерадѣнію о ввѣренномъ вамъ стадѣ, тогда какъ вамъ слѣдуетъ удерживать его отъ этого всѣми силами, помня всегда, что вы должны дать отчетъ предъ Господомъ за ввѣренныя попеченію вашему души, ибо, по словамъ мудреца: „самый суровый судъ будетъ надъ тѣми, которые поставлены надъ другими"! Sapient. 6. evers. 6.

Вы можете, дражайшіе, предупредить это если будете, согласно настоящему порученію, при каждомъ собраніи народа, во время богослуженія, ясно и усердно излагать имъ ихъ обязанность касательно ихъ пановъ и управителей; если не приминете поощрять ихъ къ христіанской любви къ ближнему своему и христіанскому смиренію; если изобразите имъ заботливость о благѣ Рѣчи Посполитой, возлагающей увеличиваемые налоги не на нихъ, а на однихъ только пановъ; если выясните имъ необходимость пріобрѣтенія большей милости и покровительства властей чрезъ указаніе властямъ поджигателей къ упорству, непослушанію, угрозамъ и бунту; если притомъ же будете обязывать ихъ къ выдачѣ главныхъ зачинщиковъ и предводителей даже на исповѣди; если постараетесь доказать имъ, т. е. крестьянамъ, неимѣющею силу и богохульною присягу,—если случится о такой слышать,—относительно неуказанія таковыхъ поджигателей; вообще, если будете заботиться о благѣ ввѣренныхъ вамъ овецъ всѣми пристойными вашему сану средствами; если, наконецъ, не преминете указывать, и помимо суда и наказанія Божія,—на опредѣленныя законами даже въ семъ мірѣ наказанія для бунтовщиковъ, испытанныя двадцать лѣтъ тому назадъ многими несчастливцами. *

И сколько мы надѣемся, что такими, нами указанными, а вамъ подлежащими къ исполненію, средствами, возстановлено будетъ спокойствіе цѣлаго края,—столько же были-бы мы огорчены и опечалены, если-бы, чего сохрани Боже, мы узнали, что кто нибудь изъ васъ, дражайшіе братья, вмѣсто того, чтобы удерживать народъ отъ упомянутаго преступленія, самъ-бы сдѣлался руководителемъ или участникомъ въ подобныхъ поступкахъ.

И вѣрьте, напрасно понадѣялся бы онъ на святость пастырскаго достоинства, ибо въ такомъ случаѣ мы были-бы вынуждены по святому церковному закону лишить его присвоенныхъ духовному лицу правъ и преимуществъ, и тогда исполнилось бы надъ нимъ пророчество Осіи: „Будетъ сей пастырь яко же и чернь, увяли подъ нимъ пути его, по мысли его воздамъ ему". Заботьтесь-же, дорогіе братья, согласно своему призванію, снискивать себѣ общее уваженіе къ высокому духовному званію, и только такимъ образомъ пріобрѣтете Божіе и наше пастырское благословеніе.**

V.

Варшава между тѣмъ представляла любопытное зрѣлище. Сеймовые депутаты, читая донесенія, получаемыя въ многочисленномъ числѣ изъ Волыни, о маркитантахъ, попахъ, крестьянахъ, указахъ Екатерины II, все болѣе и болѣе распа-

* Памекъ на Коліивщину 1768 г.
** Бродовичъ, т. II, стр. 143.

лялись ожесточеніемъ противъ Россіи. Подобно тому, какъ они, послѣ знаменитой *Коліивщины*, метали громы и молніи противъ Екатерины II, создавъ впослѣдствіи небывалое воззваніе ея къ Украинскому народу, призывающее его, будто бы отъ ея имени, къ рѣзнѣ поляковъ и жидовъ, напечатанное въ довольно серьезномъ журналѣ: Archives diplomatiques, par le C—te d' Angenberg, *) такъ теперь, въ особенности, они, на основаніи Волынскихъ донесеній, налегли на то, что главная причина всей зародившейся смуты на Волыни—*Москва* и указы русской императрицы. Всякому донесенію, полученному отъ Волынскихъ коммиссій и вообще пановъ, въ Варшавѣ вѣрили безусловно. Прислали, между прочимъ, изъ Волыни бумажные образцы ножей, которые будто бы назначены для рѣзни пановъ и жидовъ. Варшавскіе сеймовые депутаты легко повѣрили, что это именно тѣ самые страшные ножи, которые неумолимою рукою *Москвы* направлены противъ ихъ Волынскихъ собратій. Какъ и всегда, въ средѣ поляковъ въ такихъ случаяхъ недопускалась критическая оцѣнка подобныхъ слуховъ. Случилось, между прочимъ, одно обстоятельство, подлившее еще больше масла въ огонь. Русскій министръ въ Варшавѣ Штакельбергъ предъявилъ сейму ноту по дѣлу о не пропускѣ чрезъ Польскія владѣнія русскаго офицера, конвоировавшаго плѣнныхъ турокъ. Въ нотѣ, излагалось требованіе, чтобы и на будущее время дозволенъ былъ русскимъ войскамъ свободный проходъ чрезъ Польшу. Паны пришли въ изступленіе; всѣ дѣла, предназначенныя для сеймоваго обсужденія, были оставлены для яростныхъ выходокъ противъ Россіи и Екатерины. Никогда лучше не оправдывалась характеристика польской націи, сдѣланная папскимъ нунціемъ, который въ шестидесятыхъ годахъ, въ своихъ донесеніяхъ римскому двору, всегда называлъ ее глупою и извращенною націею (la traviata ed imbecile nazione). „Не ужели, кричалъ одинъ сеймовый депутатъ, мы позволимъ *Московскимъ* войскамъ ходить чрезъ польскія области.....? Слѣдуетъ выгнать немедленно *москалей* съ ихъ маркитантами, извощиками, филиппонами, монахами! Пора раздѣлаться съ *Москвой!*“ Другіе изъ депутатовъ упрекали Волынскихъ пановъ, что они еще слишкомъ мягко поступаютъ съ заговорщиками: „мало ихъ переказнили на Волыни; для истребленія заговорщиковъ не достаточно и ста висѣльницъ!“. Третьи требовали немедленнаго арестованія русскаго министра въ Варшавѣ, Штакельберга и изгнанія его изъ предѣловъ Польши. Словомъ, на Сеймѣ все слилось въ одинъ бѣшенный крикъ, въ которомъ только и слышно было, что необходимо тотчасъ начать

* Вотъ это подложное воззваніе Екатерины II. къ народу: «Ясно видя, съ какимъ презрѣніемъ къ намъ и къ нашей Православной вѣрѣ относятся Поляки и Евреи, защитники же нашей греческой вѣры преслѣдуемы, утѣсняемы и наказываемы смертью; по симъ причинамъ, не въ состояніи будучи терпѣть долѣе таковыя оскорбленія, таковыя преслѣдованія и таковыя безчестія, единственно *изъ за нашей святой вѣры преслѣдуемы и презираемы будучи, мы* повелѣваемъ Максиму Железняку изъ Тимошева, (de la terre de Tymoschew), полковнику и начальствующему въ нашемъ *нижнемъ Запорожьѣ* (commendant dans nos terres du Bas Zaporogue), вступить въ польскія владѣнія, взявши съ собою еще нѣсколько войска изъ нашихъ донскихъ козаковъ (?), чтобъ истребить и сокрушить (extirper et abatre) съ помощью Божіею всѣхъ Поляковъ и Жидовъ, хулителей нашей святой вѣры. Этимъ средствомъ мы прекращаемъ всѣ жалобы, принесенныя намъ противъ этихъ безжалостныхъ убійцъ, этихъ клятвопреступниковъ, этихъ нарушителей закона, этихъ Поляковъ и Жидовъ, мучителей нашей святой вѣры, которые, покровительствуя зловѣрію безбожныхъ жидовъ, кощунствуютъ и презираютъ нашу вѣру и утѣсняютъ вѣрный и безвинный народъ. Вслѣдствіе этого мы повелѣваемъ, чтобы, проходя чрезъ Польшу, истреблять ихъ, чтобы и память ихъ исчезла въ потомствѣ. Но чтобы договоры и союзъ съ нашими сосѣдями были соблюдены, мы, подъ опасеніемъ жестокихъ наказаній, воспрещаемъ оскорблять и тревожить купцовъ турецкихъ, армянскихъ и нашихъ русскихъ, которые посѣщаютъ Польшу по дѣламъ торговымъ. Мы желаемъ также, чтобы они имѣли свободный пропускъ и всякое вспомоществованіе, какого можно потребовать отъ союзниковъ. Въ удостовѣреніе чего мы утверждаемъ сей указъ и сіе дозволеніе. Данъ въ С.-Петербургѣ, утвержденъ нашею печатью и подписомъ нашею собственною рукою. 20 Іюня 1768 г., Екатерина. Съ подлиннымъ вѣрно (pour ampliation). Кошевой атаманъ Петръ Калнышевскій со свидѣтелями.»

войну съ *Москвой*, а пановъ, крестьянъ и *москалей*—казнить, вѣшать, изгонять, заключать въ тюрьмы, но только не миловать,—этого не могла, по отношенію къ русскому люду, допустить голова какъ варшавскаго, такъ и любого польскаго пана.

18 апрѣля Сеймъ издалъ универсалъ, въ которомъ сказано было, что какъ король, такъ и сеймовые депутаты, не могутъ *равнодушно* смотрѣть на то, какъ *схизматическіе* попы, русскіе маркитанты, филипоны, извощики, чумаки и т. д. пробираются въ Польшу, подстрекаютъ крестьянъ-схизматиковъ къ бунту противъ пановъ; а потому, всѣмъ таковымъ иностранцамъ универсаломъ этимъ предписывается оставить Польшу въ теченіи двухъ недѣль; тѣ же, которые не исполнятъ этого распоряженія, будутъ арестованы, преданы суду и примѣрно наказаны. По словамъ этого универсала „схизматическіе попы, живущіе въ Польшѣ, до сихъ поръ не совершили присяги на вѣрность королю и Рѣчи Посполитой, и осмѣливаются въ своихъ молитвахъ *упоминать иноземную власть*, отвращая *схизматическій* народъ отъ вѣрности, покорности и повиновенія. Поэтому предписывается *схизматическому* духовенству, желающему сохранить выгоды, сопряженныя съ его служебнымъ положеніемъ, въ продолженіи двухъ недѣль присягнуть какъ королю, такъ Рѣчи Посполитой, и за тѣмъ никогда неосмѣливаться молиться за иноземную власть; въ противномъ же случаѣ, всякій, кто окажетъ противодѣйствіе этому распоряженію, лишается своего служебнаго мѣста и будетъ изгнанъ изъ Польши....“ *

Король и Сеймъ за тѣмъ рѣшили отправить Екатеринѣ II ноту, гдѣ говорилось, что злоумышленники, исповѣдывающіе православную вѣру, подстрекаютъ хлоповъ къ бунту, такъ что послѣдніе ждутъ не дождутся появленія русскихъ войскъ въ польскихъ областяхъ, чтобы начать поголовное возстаніе противъ пановъ. Рѣчь Посполитая просила этой нотой русскую императрицу, чтобы русскіе войска, когда они будутъ идти на войну противъ Турокъ, обходили бы владѣнія Польши, или же, если не возможно этого сдѣлать, то чтобы шли чрезъ польскія области по указанному пути отрядами, заключающими въ себѣ не болѣе пятисотъ человѣкъ. Этого мало; Рѣчь-Посполитая принесла тогда же Пруссіи жалобу на злоумышленія противъ нея Россіи, и прусскій посолъ при петербургскомъ дворѣ получилъ приказаніе поддерживать польскія притязанія. Почти одновременно сдѣлано также распоряженіе объ арестѣ епископа Виктора Садковскаго. Поводомъ къ этому послужило заявленіе на Сеймѣ виленскаго воеводы Радзивилла, что Садковскій будто бы главный зачинщикъ крестьянскихъ бунтовъ. Другимъ поводомъ къ аресту епископа было донесеніе изъ Слуцка, что епископъ заставлялъ *схизматическихъ* поповъ присягать на вѣрность русской императрицѣ и тѣмъ возбуждалъ ихъ къ бунту. Сообщено Сейму также донесеніе, основанное на показаніи одного Слуцкаго еврея, который будто бы въ Слуцкѣ велъ такой разговоръ съ крестьяниномъ:

— Правда-ли, что хлопы въ церкви присягали на вѣрность русской императрицѣ?

— Да, отвѣчалъ крестьянинъ, мы присягали предъ попами, а попы предъ епископомъ.

— А приготовлено-ли у васъ оружіе? спросилъ еврей.

— Крестьянинъ будто бы отвѣчалъ, что оружія хватитъ: „пойдемъ съ чѣмъ попало,—кто съ косою, кто съ копьемъ, кто съ ружьемъ.“ Причемъ крестьянинъ объявилъ еврею, что бунтъ начнется если не на пасху, то въ маѣ мѣсяцѣ.“

Основываясь на этихъ нелѣпыхъ данныхъ, Сеймъ порѣшилъ, какъ мы уже и выше говорили, арестовать епископа Садковскаго. Офицеръ схватилъ его на дорогѣ, заключилъ въ оковы и привезъ въ Несвижъ. Изъ Несвижа онъ, вмѣстѣ съ игуменомъ Слуцкаго монастыря, Кипріаномъ, Слуцкимъ протопопомъ, нѣсколькими священниками, двумя дьячками и пѣвчими, препровожденъ въ Вар-

* Книга гродская Луцкая 1789 г., хранящаяся въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ, № 376, л. 815.

шаву, гдѣ посаженъ въ пороховомъ магазинѣ. Надъ епископомъ назначена была слѣдственная коммиссія, членами которой были сенаторы: епископъ Турскій, каштеляны Пражмовскій и Фелькерзамъ и сеймовые послы, въ числѣ двѣнадцати человѣкъ.

На Волыни, между тѣмъ, волненіе умовъ между панами и желаніе коммиссіи выставить въ яркомъ свѣтѣ свою дѣятельность въ дѣлѣ раскрытія заговора достигли самыхъ крайнихъ предѣловъ. Коммиссія обнародовала, между прочимъ, разрѣшеніе Сейма, на основаніи котораго всякій причастный къ заговору, если объявитъ о томъ въ коммиссіи и укажетъ на своихъ сообщниковъ, будетъ прощенъ. Это развязывало руки волынскимъ судьямъ. Арестованнымъ священникамъ и крестьянамъ обыкновенно предлагалось выбрать одно изъ двухъ: или указать на сообщниковъ въ заговорѣ, или же идти на казнь. Въ большинствѣ случаевъ любовь къ жизни все превозмогала: обвиненные клеветами другъ на друга, указывали на множество людей, какъ на заговорщиковъ,— ихъ брали подъ арестъ, бросали въ тюрьмы, изъ которыхъ одни выходили или на казнь, чему многіе были очень рады, такъ какъ тюремное заключеніе, по словамъ современника Бродовича, было въ высшей степени ужасно, или же— томились въ тюрьмахъ весьма продолжительное время. Съ другой стороны, помѣщики и то и дѣло наполняли тюрьмы мирянами и духовными. Различные жолнѣры тоже не дремали и, въ дѣлѣ преслѣдованія священниковъ и крестьянъ, шли за урядъ съ коммиссіями. Такъ жолнѣръ Крыжановскій, желая показать панамъ ревность свою въ дѣлѣ спасенія отчизны, рѣшился погубить священника села Верещакъ, Рубиновича. Бродовичъ разсказываетъ, что этотъ жолнѣръ, переодѣтый, явился ночью къ Рубиновичу и о себѣ объявилъ ему, что онъ дезертиръ, изъ поповичей, насильно взятый въ службу, и просилъ спрятать его отъ преслѣдованія властей. Рубиновичъ согласился и далъ ему въ своемъ домѣ пріютъ. На столъ явилось угощеніе. За чаркой водки Крыжановскій повелъ рѣчь о томъ, что онъ пойдетъ *къ москалямъ*, такъ какъ они, вмѣстѣ съ крестьянами, скоро начнутъ рѣзню поляковъ и жидовъ:—„не худо бы зарѣзать вашего пана и ограбить его деньги,“—говорилъ мнимый дезертиръ. Священникъ былъ сильно пьянъ и потакалъ ему. На другой день Крыжановскій исчезъ и, явясь въ коммиссію, объявилъ, что Рубиновичъ несомнѣнно прикосновенъ къ заговору, и что будто бы онъ показывалъ ему указъ императрицы Екатерины II, которымъ предписывается попамъ возмутить крестьянъ противъ пановъ и жидовъ. Обвиненный немедленно былъ схваченъ и заключенъ въ Дубенскую тюрьму. * По свидѣтельству того же Бродовича къ одному пану, въ началѣ смутъ, съѣхалось много гостей, и, конечно, главный предметъ разговоровъ были текущія событія. Паны рѣшили, что не худо бы какъ нибудь узнать—не состоитъ ли въ заговорѣ мѣстный сельскій священникъ; послали двухъ довѣренныхъ слугъ, одѣтыхъ въ крестьянское платье, къ священнику на исповѣдь. Между прочимъ, слугамъ приказано было покаяться на исповѣди, что ихъ возбуждаютъ принять участіе въ готовящемся бунтѣ противъ пановъ и они, будто бы, обязались явиться въ опредѣленный часъ въ указанное мѣсто. Все это сдѣлано было для того, что бы узнать что будетъ говорить въ отвѣтъ священникъ, и потомъ, чтобы, судя по отвѣтамъ, добраться до него. Но кощунство пановъ не удалось. Священникъ исповѣдывалъ переодѣтыхъ слугъ въ чистѣйшемъ христіанскомъ духѣ, и, такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ замыслы пановъ ни къ чему не привели.

Между тѣмъ истязанія и бичеванія крестьянъ и духовенства шли своимъ чередомъ. 30 Апрѣля послѣдовало рѣшеніе Луцкаго суда, по которому должны быть наказаны крестьяне помѣщика Антонія Прушинскаго: Иванъ Загоровскій и Андрей Оверчукъ. Одинъ изъ нихъ, Загоровскій, за то, что во время масляницы, будучи сильно пьянымъ, шутя пугалъ жидовъ угрозами, что будетъ ихъ, а равно и ляховъ, вѣшать, если попадетъ на

---

* Бродовичъ т. I, стр. 33.

Украйну, и кромѣ того поколотилъ жидовку и крестьянина. За это онъ присуждался къ наказанію 100 ударами розгами публично на рынкѣ. Рѣшено дѣло также крестьянина Антона Булуты, обвиненнаго графомъ Красицкимъ въ томъ, что, въ разговорѣ съ какимъ то жидомъ, Булута употреблялъ шуточныя выраженія; это то и подало жиду основаніе думать, что за шутками скрываются недобрыя мысли. Такъ какъ жидъ въ этомъ дѣлѣ былъ единственною уликою, и какъ изъ самаго обвиненія нельзя было заключить о виновности Булуты, то онъ и признанъ судомъ невиннымъ.* Того же 30 Апрѣля рѣшилась и судьба семинариста Матвѣя Лохвинскаго. Семинаристъ ѣхалъ изъ дому отца, находящагося въ селѣ Садовѣ, жениться, и по дорогѣ остановился на отдыхъ въ мѣстечкѣ Торчинѣ, гдѣ съ нимъ встрѣтился священникъ Крокевичъ, изъ села Городища. Завязалась бесѣда а потомъ явилась на столъ водка. Въ это время подошелъ къ нимъ писарь мѣстнаго экопома Пржылускій, и завелъ споръ съ священникомъ по дѣлу объ уплатѣ денегъ какому то парубку, при чемъ было упомянуто объ осмотрѣ, произведенномъ въ домѣ священника Боянскаго. Семинаристъ, разгоряченный водкой, не стерпѣлъ и храбро заявилъ, что если бы къ нему явились съ обыскомъ, то онъ бы всѣхъ перебилъ, и когда писарь Пржылускій замѣтилъ, что обыскъ производился со стражей въ пятьдесятъ человѣкъ, то семинаристъ объявилъ, что если бы нашлось десять человѣкъ ему подобныхъ товарищей, то онъ съ ними не побоялся бы переколотить и этихъ пятидесяти. Судъ, принявъ во вниманіе, что слова эти были сказаны семинаристомъ въ пьяномъ видѣ, опредѣлилъ: защитать ему въ наказаніе мѣсячное тюремное заключеніе и взыскать съ него сто гривенъ штрафу. **

Изъ ряда множества кровавыхъ дѣлъ этого времени, обвиненіе священника Александра Бондаровскаго, изъ села Городищъ, въ участіи его въ заговорѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Бондаровскаго и его трехъ прихожанъ судила уже Острожская магдебургія, т. е. судъ, дѣйствовавшій на магдебургскомъ правѣ, и, вмѣстѣ съ тремя прихожанами, осудила ихъ на висѣлицу. Въ то время когда одинъ изъ прихожанъ былъ уже повѣшенъ, получено сеймовое распоряженіе пріостановиться съ дальнѣйшимъ исполненіемъ смертной казни. Такимъ образомъ трое изъ осужденныхъ избѣгли смерти. Но Луцкое судилище захотѣло поспорить съ Острожской магдебургіей въ чести во что бы то ни стало казнить священника Бондаровскаго, и послѣдній былъ привезенъ въ Луцкъ. 1-го мая состоялся приговоръ по дѣлу Бондаревскаго и его дьячка. Обвинителемъ былъ Овручскій староста и владѣлецъ села Городищъ, Янъ Стецкій, адвокатомъ Августиновичъ. Свидѣтелями были двое крестьянъ, которые были уже приговорены къ висѣлицѣ, вмѣстѣ съ обвиненнымъ, Острожскою магдебургіею, и уцѣлѣли, благодаря только во время подоспѣвшему сеймовому распоряженію,—а въ настоящее время они являются уже въ иной роли, въ роли свидѣтелей противъ священника. Какъ и слѣдовало ожидать, въ обвинительномъ приговорѣ судьи постарались сгруппировать всѣ данныя для того, чтобъ не выпустить изъ своихъ рукъ несчастнаго Бондаровскаго. По словамъ обвинительнаго акта священникъ Бондаровскій пьянствовалъ по цѣлымъ днямъ съ крестьянами, билъ жену, ругалъ мать, одинъ разъ въ пьяномъ видѣ отправлялъ даже богослуженіе. За двѣ недѣли передъ польскою пасхой, Бондаровскій, удержалъ, будто бы, послѣ церковной службы, трехъ крестьянъ: Касьяна Андрійчука, Карпа Омельянца и Левка Яблонскаго и объявилъ, что пришло наконецъ время рѣзать пановъ и жидовъ, а потому, чтобы они были бы готовы на всякій случай къ этой рѣзнѣ, а срокъ для рѣзни назначенъ будто бы на польскую пасху, во время всенощной. Когда же упомянутые крестьяне стали отговариваться неимѣніемъ ни времени, ни оружія, ни людей, то Бондаровскій будтобы

* Книга Луцкая декретовая 1789 г., хранящаяся въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ, № 2. Л. 143.

** Книга Луцкая декретовая, № 127. стр. 144 на об.

объявилъ имъ, что рѣзня вспыхнетъ разомъ въ цѣлой Польшѣ; что оружія достаточно будетъ того, какое попадется подъ руку; что охотниковъ къ рѣзнѣ много, и затѣмъ отпустилъ ихъ, приказавъ соблюдать строжайшую тайну. Въ субботу предъ польской пасхой, по словамъ акта, крестьяне эти пришли къ Бондаровскому исповѣдываться, но онъ отказалъ имъ въ этомъ, отговариваясь неимѣніемъ времени, такъ какъ онъ долженъ былъ тотчасъ уѣхать въ село Большой Житинокъ, къ тамошней шляхтѣ, для освященія пасокъ,—при чемъ еще разъ напомнилъ имъ о строгомъ соблюденіи роковой тайны. Всѣ трое крестьянъ сознались въ этомъ предъ Острожской магдебургіей, и одинъ изъ нихъ, Яблонскій, за это былъ повѣшенъ, не взявъ, по словамъ судебнаго приговора, назадъ своего сознанія. Далѣе обвинительный приговоръ излагаетъ такую исторію раскрытія этого дѣла: крестьянинъ Касьянъ Андрійчукъ зашелъ въ корчму и тамъ повелъ бесѣду съ какимъ то козакомъ, ѣхавшимъ изъ Побережья. Козакъ разсказывалъ, что на Украйнѣ ожидаютъ новой рѣзни. Этотъ разсказъ Андрійчукъ передалъ крестьянамъ Омельянцу и Яблонскому и послѣдній будто бы изъявилъ готовность примкнуть *къ работѣ*, если она начнется. Все это было подслушано служившимъ въ корчмѣ мальчикомъ Мазурокъ и имъ сообщено польскимъ властямъ. Ихъ всѣхъ троихъ арестовали, и на слѣдствіи они обвинили и священника Бондаровскаго. Относительно послѣдняго, приговоръ прибавилъ еще нѣсколько данныхъ, увеличивающихъ его вину. Такъ въ приговорѣ говорится, что будто бы Бондаревскій никогда не могъ скрыть своей ненависти къ шляхтѣ и католической религіи и въ доказательство этого приводитъ слѣдующее: во вторникъ на свѣтлой недѣлѣ, онъ, будучи въ селѣ Житинкѣ, въ гостяхъ у проживавшаго въ Житинкахъ пана Петра Одунскаго, напился пьянъ. Хозяинъ шутилъ на счетъ слуховъ о готовящейся рѣзнѣ и, между прочимъ, сказалъ: „рѣжьте поросенка, пока васъ самихъ не порѣжутъ,“—на что Бондаровскій замѣтилъ, что „если бы вы были нашего вѣроисповѣданія, съ вами бы ни чего не случилось.“ Такъ какъ вышеприведенные факты, „говорится въ приговорѣ,“ ясно обличаютъ священника Бондаровскаго въ заговорѣ, въ стремленіи къ убійству, въ нарушеніи общественнаго спокойствія, и въ подстреканіи къ тому темной черни, то онъ приговаривается къ смертной казни чрезъ головоотсѣченіе, устраняя болѣе безчестное наказаніе, т. е. казнь посредствомъ висѣлицы изъ уваженія къ его сану, и препровождается къ епископу для лишенія духовнаго сана, а послѣ того онъ долженъ быть препровожденъ въ магистратъ для совершенія надъ нимъ смертной казни. Его апелляція въ Люблинскій трибуналъ не принимается. Два крестьянина, уже осужденные въ острогѣ, тоже отсылаются въ магистратъ для исполненія надъ ними приговора, осудившаго ихъ на смертную же казнь. Что касается дьячка, виновнаго въ бѣгствѣ изъ села Городищъ, то онъ объяснилъ, что убѣжалъ единственно по причинѣ дурнаго обращенія съ нимъ священника Бондаровскаго, а потому и былъ освобожденъ. *

Безхарактерный, слабый и уклончивый уніятскій епископъ Левинскій поставленъ былъ въ величайшее затрудненіе относительно вопроса о лишеніи духовнаго сана приговореннаго къ смертной казни священника Бондаровскаго. Глава уніятскаго духовенства очень хорошо сознавалъ, что судъ надъ этимъ священникомъ производился совершенно беззаконно, что сдѣланный на него извѣтъ двухъ вышеупомянутыхъ крестьянъ какъ людей, уже разъ осужденныхъ на смертную казнь, очевидно былъ вынужденъ коммиссіею, тѣмъ болѣе, что въ слѣдственномъ дѣлѣ не было добровольнаго признанія священника Бондаровскаго. Наконецъ, по уставу церкви, епископъ самъ рѣшаетъ, своимъ судомъ, подлежитъ-ли обвиняемый лишенію духовнаго сана, а для этого епископу Левинскому нужно было переслѣдовать судебное дѣло и отыскать въ немъ вину Бондаровскаго. Но у епископа Левин-

* Книга Луцкая декретовая, № 127, стр. 145.

скаго, не доставало въ душѣ смѣлаго, благороднаго порыва всею своею властью вооружиться противъ пановъ за нарушаемыя такъ нагло права церкви, и за жестокое осужденіе на смерть священника, за преступленіе, не доказанное ни юридически, ни фактически. Скоро уклончивость и колебаніе епископа Левинскаго уступили мѣсто напору той панской злобы, того возбужденнаго настроенія пановъ, съ которымъ вообще опасно было въ то время спорить такимъ людямъ, какъ епископъ. Такимъ образомъ, въ то время когда Луцкій магистратъ, на который возложено было исполненіе казни, медлилъ съ совершеніемъ ея, вслѣдствіе того, что Бондаровскій не лишенъ еще духовнаго сана, паны подали въ Луцкій судъ жалобу на епископа. Въ жалобѣ они указываютъ на опасность, которая произойдетъ отъ этой отстрочки казни, такъ какъ, по извѣстіямъ изъ Кременца, тамъ уже была попытка арестантовъ бѣжать изъ тюрьмы. По этому помѣщики настаивали, чтобы судъ приказалъ магистрату приступить немедленно къ исполненію казни надъ Бондаровскимъ, не обращая вниманія на то будетъ ли онъ лишенъ духовнаго сана, или же нѣтъ. Подъ вліяніемъ этого требованія, судъ даетъ епископу три дня сроку для совершенія обряда. *

Епископъ не устоялъ и отдалъ панамъ на жертву ни въ чемъ неповиннаго священника.

Казнь назначена была на 25 Мая. Въ восемь часовъ утра отецъ Бондаровскій былъ приведенъ въ оковахъ къ епископу и ему былъ прочитанъ приговоръ, лишающій его духовнаго сана. Въ девять часовъ въ церкви началось богослуженіе; въ церковь собралось множество Луцкихъ обывателей, пановъ и жолнѣровъ стороживших узника. Торжественный обрядъ лишь изрѣдка прерывался плачемъ и рыданіемъ женщинъ. Отецъ Бондаровскій держался спокойно и, повидимому, смѣло глядѣлъ въ лицо смерти, и также спокойно исповѣдывался и причащался св. таинъ. Послѣ богослуженія онъ спросилъ себѣ рюмку водки, ибо замѣтно дрожалъ. Желаніе его было исполнено. Во все это время Бондаровскій не переставалъ увѣрять столпившихся возлѣ него пановъ и Луцкихъ обывателей, что никогда не подстрекалъ онъ крестьянъ къ бунту, и если виноватъ въ чемъ либо, такъ только въ томъ, что любилъ хмѣльные напитки и не уважалъ свою мать.

Спустя нѣкоторое время повели священника Бондаровскаго на базарную площадь для казни; его окружала стража изъ милиціонеровъ Дубенскаго гарнизона и татаръ, состоявшихъ подъ командой генерала Бѣляка. Многочисленная толпа людей тѣснилась на площади, среди которой стоялъ священникъ, окруженный панами и польскими солдатами, доживая послѣднія мучительныя минуты. Началось чтеніе смертнаго приговора. Бондаровскій приблизился къ читавшему, какъ бы не желая упустить безъ вниманія ни единаго слова изъ приговора. Когда читавшій дошелъ до того мѣста приговора, гдѣ сказано было, что съ тѣхъ поръ какъ поступилъ священникомъ въ село Городище, онъ, т. е. Бондаровскій, „пьянствовалъ въ корчмѣ съ крестьянами, ругалъ мать свою, и разъ не вытрезвя съ отправлялъ церковное богослуженіе,“—изъ груди несчастнаго священника вырвался тяжелый вздохъ, —„что въ церкви, продолжалъ читавшій, онъ, запершись съ крестьянами, подстрекалъ ихъ къ бунту,“—Бондаровскій отрицательно покачалъ головою и еще тяжелѣе вздохнулъ. Палачъ приблизился къ нему, но священникъ просилъ не приступать къ казни, такъ какъ онъ имѣетъ еще что то сказать. Въ это время подошелъ къ нему каноникъ Стецкій; „не называю я тебя священникомъ, говорилъ каноникъ, ибо ты исключенъ уже изъ числа духовенства; ты уже мертвый человѣкъ, осужденный на разлуку со всѣмъ человѣчествомъ. Но тебѣ вѣдомо, что ты всегда будешь жить въ вѣчности..... Ты стоишь на томъ мѣстѣ, съ котораго вскорѣ предстанешь на судъ милосерднаго Бога. Напоминаю теперь тебѣ слова, которыя ты упоминалъ въ своихъ ежедневныхъ молитвахъ: „И остави намъ долги

* Книга Луцкая декретовая, № 127, стр. 151.

наши, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ." На этомъ основаніи, спрашиваю тебя, прощаешь ли искренно вину тому, кто донесъ и обвинилъ тебя предъ судомъ?

— Прощаю, былъ отвѣтъ отца Бондаровскаго.

— Не имѣешь ли чего противъ суда, который приговорилъ тебя къ смертной казни?

— Ни чего я не имѣю.

— Не имѣешь ли чего противъ епископа, который лишилъ тебя духовнаго сана?

— И противъ него я ничего не имѣю.

— Сознайся же теперь откровенно: не подстрекалъ ли кто тебя (къ бунту)?

— Ни кто, ни когда, ни къ чему меня не подстрекалъ.

— Что же еще имѣешь ты сказать? спросилъ каноникъ.

— Объявляю, что слышалъ, какъ въ моемъ присутствіи говорилъ Филипъ Дьячукъ: "теперь прійшовъ часъ—будемо різать,"—а Ковальчукъ, также изъ села Городища, повторялъ смѣясь тѣже слова; не не могу сказать, шутя ли они такъ говорили, или же серьезно.

Было два часа по полудни, когда палачъ отрубилъ голову священнику Бондаровскому. Тотъ часъ въ село Городище полетѣли милиціонеры, чтобъ схватить тѣхъ двухъ крестьянъ: Филипа Дьячука и Ковальчука, о которыхъ передъ смертью сказалъ такое страшное слово священникъ Бондаровскій. Но напрасно такъ торопливо спѣшили милиціонеры за этими двумя крестьянами; ихъ не выдалъ въ руки Луцкихъ судей Овруцкій староста, отписавшій суду, что онъ не желаетъ быть участникомъ въ казни этихъ двухъ крестьянъ, вина которыхъ заключалась только въ томъ, что они сказали какое то слово шутя. *

На другой день послѣ казни изъ Варшавы получено было приказаніе сейма пріостановиться исполненіемъ смертной казни надъ священникомъ Бондаровскимъ, а его самаго выслать въ Варшаву. Но было поздно, онъ былъ казненъ, и „невинная голова ни когда уже не приростетъ къ туловищу," замѣчаетъ очевидецъ казни Бродовичъ.

V.

Многочисленные приговоры, которыми наполнены, такъ называемыя, декретовыя книги Луцкаго гродскаго суда, представляютъ собой весьма любопытный матеріалъ для исторіи казней, совершенныхъ надъ людьми—совершенно неповинными въ заговорѣ противъ пановъ, но которые, тѣмъ не менѣе, подпали такому тяжкому обвиненію. Многіе изъ приговоровъ до крайности чудовищны, при внимательномъ чтеніи которыхъ, нельзя не прійти къ заключенію, что только одна фанатическая злоба поляковъ противъ всего русскаго, въ связи съ крайнимъ невѣжествомъ людей, заправлявшихъ судебными процессами, могла породить такое чудовищное извращеніе человѣческаго смысла. Такъ 4 мая состоялся приговоръ по дѣлу крестьянъ мѣстечка Чарторыйска: Осипа и Ильи Гнидыхъ, Василія Заблоцкаго и Ивана Костюшкевича, обвиненныхъ въ томъ, что одинъ изъ нихъ, Осипъ Гнидый, пустилъ къ себѣ въ мартѣ или въ апрѣлѣ ночевать русскаго коробейника. Кто-то донесъ, что крестьянинъ *„велъ неприличные разговоры съ коробейникомъ"*. По словамъ обвинительнаго акта, коробейникъ будто-бы спросилъ крестьянина; „зачѣмъ это поляки собираютъ войска?",—крестьянинъ отвѣчалъ, что они „приготовляютъ войска для своей защиты." Коробейникъ предполагая, что приготовленіе это непосредственно относится къ его отечеству замѣтилъ, что „русскіе не боятся этихъ войскъ, такъ какъ русскіе непобѣдимы". Свой разговоръ съ коробейникомъ Осипъ Гнидый передалъ брату Ильѣ. Въ то же время крестьяне Заблоцкій и Костюшкевичъ, будучи сильно пьяными, заявили жидамъ м. Чарторыйска, что они „останутся *скоро безъ водки*, а потому и *безъ денегъ*, такъ какъ *прійдетъ Гонта*." Жиды перепугались и непропустили случая отличиться предъ панами,—донесли на крестьянъ. Послѣднихъ схватили, заключили въ кандалы и

* Бродовичъ т. I. стр. 41—50.

наказали чрезъ палача на площади г. Луцка. * Черезъ пять дней послѣ этаго приговора, рѣшена была участь священниковъ Епифанія и Стефана Буболовичей, и брата ихъ Карпа. Обвинительный актъ говоритъ, что „у священника Епифанія Буболовича въ великій постъ ночевали благочинный изъ села Колокъ, съ нимъ находился братъ Епифанія, Стефанъ, священникъ изъ села Собятина, и, по словамъ акта, они *имѣли неизвѣстно о чемъ совѣщаніе*". Далѣе въ приговорѣ въ весьма важное преступленіе священнику Епифану Буболовичу вмѣнено: что онъ купилъ у шляхтича Качинскаго старое ружье, въ которомъ до этой поры, по словамъ акта, совершенно не нуждался; что ѣздилъ въ село Колки къ благочинному будто-бы за покупкою корма для скота, и онаго некупилъ, слѣдовательно — ѣздилъ для какихъ то зловредныхъ переговоровъ; что въ вербное воскресенье, узнавъ со стороны, что будутъ отнимать у крестьянъ огнестрѣльное оружіе, будто-бы сказалъ крестьянамъ въ церкви: „теперъ паны одбирають у людей оружье,—не отдавайтежъ всіого, памятайте и собі—якъ инши люде роблять"; что находясь въ селѣ Колкахъ послѣ ареста тамошняго благочиннаго, онъ будто бы упрекалъ тамошнихъ мѣщанъ и крестьянъ за то, что они рѣшились допустить этотъ арестъ; что послѣ этаго ареста, на крестьбинахъ у крестьянина Савки Ковбасюка, въ селѣ Яблонкѣ, будучи на веселѣ, сказалъ: „хочай Колковського благочинного держать и мучать (поляки),—колыбъ намъ іого добуты, то мы ся збудемъ ихъ безголовья;" что разъ, возвращаясь изъ села Колокъ, жаловался на то, что не купилъ ножей, и *филипповъ* тамъ не засталъ, хотя, по словамъ приговора, въ ножахъ совершенно нуждался; что былъ опечаленъ арестомъ Колковскаго благочиннаго, и во время пасхи, когда пришли къ нему крестьяне Мартынюкъ и Левчукъ, приглашая его къ себѣ въ гости, онъ, будучи въ нетрезвомъ видѣ, позвалъ ихъ въ *алькиръ* и объявилъ, что русское правительство, посредствомъ коробейниковъ, продающихъ платки, извѣстило будто-бы всѣхъ священниковъ, чтобы они не принимали католической вѣры, въ которую ихъ хотятъ обратить; что, наконецъ, во время великаго поста исповѣдывалъ крестьянъ, какъ мужчинъ такъ и женщинъ, только на послѣдней недѣлѣ. За *все это* священникъ приговоренъ гродскимъ судомъ *къ двѣнадцати-лѣтнему тюремному заключенію* и церковному покаянію по усмотрѣнію уніятскаго епископа. Остальные двое братьевъ тоже неизбѣгли наказанія: священникъ Стефанъ Буболовичъ, обвиненный въ покупкѣ ружья у какого то поповича—къ церковному покаянію тоже по усмотрѣнію епископа, а другой братъ, Карпъ, за то, что когда у крестьянъ отбирали оружіе сказалъ: „нехай ляхи беруть косы, дай ными поріжутця; ябъ іхъ усіхъ друкомъ позабывавъ,"—приговоренъ къ вѣчному тюремному заключенію; но судъ, по словамъ обвинительнаго акта, замѣнилъ это наказаніе *болѣе полезнымъ*, назначивъ ему сто ударовъ розгами на городскомъ мосту, а за тѣмъ въ вѣчные солдаты въ пѣшемъ Острожскомъ региментѣ. *

Изъ другихъ судебныхъ приговоровъ, изданныхъ въ маѣ мѣсяцѣ коммиссіей, приговоръ къ смертной казни священника села Старосилъ, Ѳедора Барковскаго, заслуживаетъ особаго вниманія. Заключенный въ тюрьму еще въ самомъ началѣ арестовъ, онъ обратился къ адвокату Яворовскому за совѣтомъ—какъ ему говорить въ коммиссіи. Послѣдній объявилъ священнику, что единственное средство для спасенія жизни заключается въ томъ, чтобы въ коммиссіи показать, что дѣйствительноночевалъ у него маркитантъ, отъ котораго онъ взялъ деньги для раздачи крестьянамъ и послѣднихъ онъ подстрекалъ будто бы къ мятежу. Барковскій былъ ошеломленъ такимъ совѣтомъ, и сталъ было доказывать Яворовскому всю нелѣпость самообвиненія; но адвокатъ стоялъ на своемъ и на-

* Книга Луцкая декретовая 1789 г., хранящаяся въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ, Л. 148, № д. 10-й.

* Книга Луцкая декретовая, 1789, хранящаяся въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ, № д. 12. л. 149. Бродовичъ т. I., стр. 59.

стойчиво увѣрялъ священника въ необходимости налгать на себя, такъ какъ уже были случаи, когда коммиссія прощала сознавшихся въ винѣ, и тотъ часъ освобождала таковыхъ изъ тюрьмы.

Священникъ, въ простотѣ души, поддался искушенію, и на двухъ допросахъ, снятыхъ съ него въ коммиссіи, наговорилъ на себя самыя удивительныя небылицы. *

Въ судебномъ актѣ, составленномъ 3-го Іюня на основаніи показаній Барковскаго, говорится слѣдующее: „въ первый вторникъ великаго поста онъ, т. е. Барковскій, послѣ обѣдни возвратился въ церковь, чтобы удостовѣриться—не остался-ли въ ней огонь. Въ церковной оградѣ увидѣлъ маркитанта, по фамиліи Семена Брусова, который, на вопросъ Барковскаго—что онъ въ оградѣ дѣлаетъ, объявилъ, что онъ остался послѣ обѣдни разсматривать старинныя иконы, при чемъ будто бы прибавилъ, что скоро *будетъ одна вѣра.* На вопросъ священника—откуда это онъ знаетъ, маркитантъ завелъ его въ темный уголъ и тамъ объявилъ объ устроившемся уже заговорѣ противъ поляковъ, и предложилъ священнику деньги для найма крестьянъ, желающихъ пристать къ бунту. Далѣе маркитантъ разсказалъ будто бы священнику, *что три тысячи маркитантскихъ возовъ отправлены изъ Китайскаго государства (!), что за Петербургомъ (!), съ товарами, ножами и большою суммою денегъ; что рѣзню начать рѣзню одновременно, на второй день пасхи, въ трехъ главныхъ городахъ* Волыни: Луцкѣ, Кременцѣ и Владимірѣ, а потомъ продолжать рѣзню поляковъ и жидовъ въ мѣстечкахъ и селахъ; „лишь бы хлопы поднялись, а войско будетъ и деньги будутъ“, прибавилъ будто бы маркитантъ. За тѣмъ, маркитантъ далъ, конечно для раздачи хлопамъ, 60 р. и 14 дукатовъ, и въ полученіи этихъ денегъ предложилъ священнику росписаться въ книжечкѣ, гдѣ будто бы было уже много подписей, но кто именно тамъ подписался Барковскій не знаетъ, такъ какъ маркитантъ не позволилъ прочесть подписи. Закусивши съ священникомъ на дворѣ, Брусовъ отправился въ мѣстечко Колки, въ которомъ онъ на время остановился; но, когда Барковскій, желая еще разъ съ нимъ поговорить, пріѣхалъ въ Колки, то уже тамъ его не засталъ. На второй недѣли поста у священника была толока, на которой находилось около пятидесяти крестьянъ,—они были пьяны; четверыхъ изъ нихъ Барковскій позвалъ къ себѣ въ домъ и сказалъ: „будемъ пить,—теперь есть на что“; а потомъ спросилъ: „чтобы вы дѣлали, если бъ пришелъ сынъ Гонты съ москалями?“ крестьяне отнеслись къ этому вопросу равнодушно. За тѣмъ, въ продолженіи всего поста, было еще три *толоки*, но крестьянъ уже было меньше, чѣмъ на первой. Въ разговорахъ съ ними Барковскій, какъ показалъ онъ на допросахъ, убѣдился, что они сочувствуютъ слухамъ о предстоящемъ возстаніи противъ пановъ; но крестьянъ къ бунту онъ не подговаривалъ,—что же касается денегъ, полученныхъ имъ отъ маркитанта, то онъ часть изъ нихъ пропилъ, а остальныя истратилъ на домашнія надобности. *

Дальнѣйшія показанія священника Барковскаго, какъ онѣ изложены въ судебномъ актѣ, заключаются въ слѣдующемъ: поѣхавъ разъ въ находящееся въ его приходѣ село Ситницу, онъ спросилъ будто бы тамошняго крестьянина Сидора:—„не знаетъ ли онъ зачѣмъ это маркитанты разъѣзжаютъ,—будетъ плохо всѣмъ полякамъ и жидамъ“! На что, будто бы, Сидоръ отвѣчалъ: „Ой колыбъ жидамъ, хоть и поляки не добрыи!“ А Барковскій на это замѣтилъ, что „вмѣстѣ съ сухимъ деревомъ сгорить и мокрое“. Будучи въ другой разъ въ Ситницахъ, на крестьбинахъ у крестьянина Остапа, тоже хвалился, что скоро пойдетъ рѣзать поляковъ и жидовъ. Обвинилъ Барковскій также и члена уніятской консисторіи, священника Карповскаго, въ томъ, что послѣдній сказалъ будто бы Барковскому: „скоро въ Польшѣ будетъ одна благочестивая вѣра.“

Всѣ эти показанія, священникъ Барковскій

* Бродовичъ, т. I. стр. 49 и 50.

*) Книга Луцкая декретовая 1789 г., хранящаяся въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ № 29. л. 159.

скрѣпилъ своею подписью. Въ сущности же, какъ свидѣтельствуетъ современникъ Бродовичъ, онъ подписалъ, не читая, то, что въ коммиссіи написали паны, не предполагая, что документъ этотъ дойдетъ до нашего времени и надъ нимъ совершится судъ потомства. Дѣйствительно, нельзя не удивляться той наглости, и самаго крайняго невѣжества, которое водило рукою писавшихъ обвинительный приговоръ по дѣлу Барковскаго: и тысячи маркитантовъ, идущихъ изъ Китайскаго государства, что за Петербургомъ, и Московскіе рубли, и угрозы священника рѣзать пановъ и жидовъ, все это сразу должно показаться самымъ чудовищнымъ вымысломъ. Тѣмъ не менѣе, Барковскій приговоръ подписалъ въ надеждѣ, что этимъ онъ купилъ себѣ жизнь. Но онъ жестоко ошибся. Его продолжали держать въ тюрьмѣ; тогда онъ рѣшилъ заявить въ коммиссіи, что все сказанное имъ во время допросовъ—ложь, нарочно выдуманная по совѣту Яворовскаго для того, чтобы получить свободу. Коммиссары были вовсе нерасположены Барковскаго выпустить изъ своихъ рукъ и на послѣдняго посыпались угрозы.

— Я готовъ умереть, говорилъ Барковскій коммиссарамъ, и не боюсь смерти; но я ни въ чемъ невиненъ; боюсь только того, что бы Богъ, за мою ложь и клевету на другихъ, не покаралъ бы души моей.

И шестидесятилѣтній старикъ Барковскій обвинившій себя по наущенію поляка Яворовскаго, былъ приговоренъ къ смертной казни.

Но, передъ выполненіемъ смертной казни, необходимо было еще совершить надъ нимъ обрядъ лишенія духовнаго сана.

Епископъ, разсмотрѣвъ дѣло, не нашелъ ничего такого, чтобы могло послужить къ обвиненію Барковскаго въ участіи въ заговорѣ. Въ дѣлѣ оказалось только то, что онъ, то шутя, то въ пьяномъ видѣ, говоря о *москаляхъ*, хвалилъ ихъ храбрость и силу, которую не могутъ сломить поляки; только въ этомъ родѣ и велъ онъ непріятный для пановъ разговоръ съ поселянами. Что же касается до маркитанта Брускова, то священникъ епископу показалъ, что онъ зналъ его какъ купца, но не какъ заговорщика; мятежныхъ рѣчей съ нимъ не было; прихожанъ къ бунту не подговаривалъ, и что все, что онъ наговорилъ на себя въ коммиссіи выдумано имъ по совѣту Яворовскаго, увѣрившаго его, что только такимъ образомъ можно было бы избавиться отъ тюрьмы.

Епископъ поставленъ былъ въ большое затрудненіе по этому дѣлу и не зналъ что ему дѣлать: признать ли оффиціально виновность Барковскаго и тѣмъ угодить панамъ или же засвидѣтельствовать его невинность. Словомъ, случилось тоже самое что и по дѣлу казненнаго священника Бондаревскаго.

Это колебаніе недалекаго и трусливаго епископа не могло не быть извѣстнымъ панамъ, и скоро въ Луцкѣ заговорили, что епископъ рѣшительно отказывается исполнить надъ Барковскимъ обрядъ лишенія духовнаго сана, безъ чего, по закону, Барковскій не могъ быть казненъ. Но судьи не остановились предъ этимъ и рѣшили, не обращая вниманія на то, лишитъ ли епископъ священника Барковскаго духовнаго сана, или же нѣтъ, во всякомъ случаѣ—казнить его.

11 Августа, въ 9 часовъ утра, Луцкая площадь была полна всякаго люду, собравшагося посмотрѣть какъ будутъ казнить бѣднаго уніятскаго *попа*. Скоро привели подъ стражею и Барковскаго. Среди пановъ, находившихся на площади, былъ и Яворовскій. Увидавъ его, Барковскій обратился къ нему съ такими словами: „Знай же, панъ, что ты меня погубилъ; я не хотѣлъ наговаривать на себя, но когда ты сталъ увѣрять меня, что это—единственный способъ получить свободу, я тебя послушался, и теперь оказывается, что твой совѣтъ послужилъ мнѣ гибелью. Я ни въ чемъ не виноватъ и меня напрасно осудили на смерть; но пока душа моя будетъ въ тѣлѣ, до тѣхъ поръ буду говорить о своей невинности.“ И за тѣмъ палачъ невинному священнику отрубилъ голову.

Мы говорили уже, какъ арестованные уніятскіе священники, повѣривъ обѣщаніямъ коммиссіи—даровать имъ свободу подъ условіемъ, если они сознаются въ участіи въ заговорѣ и укажутъ на другихъ соучастниковъ, будучи поощряемы къ тому панами, начали предъ коммиссіею лгать другъ на друга, обвинять своихъ собратій въ такомъ тяжкомъ преступленіи, какъ заговоръ противъ пановъ. Такимъ образомъ, священникъ села Хорупани, Глодовскій, мало того, что, въ видахъ скорѣйшаго своего избавленія изъ тюрьмы, обвинилъ самого себя, но еще создалъ цѣлую исторію объ указахъ Луцкой уніятской консисторіи, разрѣшающихъ будто бы подчиненнымъ своимъ священникамъ пристать къ готовящемуся мятежу. Луцкой коммиссіи особенно желательно было добраться до консисторіи и преимущественно ей сильно хотѣлось захватить въ свои руки—уніятскаго епископа. Показаніе священника Глодовскаго, было записано въ актовыхъ книгахъ Дубенскаго магистрата и извлеченіе изъ этого обвинительнаго акта, въ многочисленномъ количествѣ экземпляровъ, было распространено между Волынскими панами. Главные пункты этихъ показаній, на которые уперлась коммиссія, заключаютъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующее обвиненіе члена уніятской консисторіи, Семена Карповскаго: находясь въ селѣ Иванію, Карповскій будто бы говорилъ: что скоро всѣ поляки будутъ *схизматиками; москаль* возьметъ Константинополь, а полякамъ противъ этого—ничего не подѣлать; что разосланы указы изъ консисторіи, предписывающіе священникамъ начать истребленіе пановъ, и что будто бы Карповскій, въ разговорѣ объ этихъ указахъ съ Глодовскимъ, совѣтовалъ послѣднему возбуждать крестьянскую *громаду* противъ пановъ. Основываясь на такихъ извѣтахъ священника Глодовскаго, и считая авторомъ вышеупомянутыхъ консисторскихъ указовъ священника Карповскаго, коммиссія рѣшила арестовать послѣдняго, съ тѣмъ, чтобы начать уже обвиненіе какъ противъ епископа, такъ и противъ всего уже состава консисторіи. Карповскаго посланная изъ Луцка команда схватила въ селѣ Рожищахъ, мѣстопребываніи уніятскаго епископа, и почти что вырвала изъ рукъ жолнѣровъ, одновременно прибывшихъ изъ Дубна съ приказаніемъ тоже доставить его въ Дубенскую тюрьму, такъ какъ Дубенскимъ властямъ хотѣлось во что бы то ни стало имѣть такого важнаго преступника въ своихъ рукахъ. Вмѣстѣ съ Карповскимъ захвачены были его бумаги, въ которыхъ думали паны найти важныя указанія относительно участія въ бунтѣ какъ епископа такъ и всей консисторіи. Въ Луцкѣ Карповскаго подвергнули весьма тяжкому тюремному заключенію. На допросахъ, предложенныхъ ему въ Луцкой коммиссіи, онъ энергически отрицалъ всѣ взводимыя на него обвиненія. Тогда коммиссія пришла въ ярость и рѣшила казнить его смертью, не обращая вниманія на отсутствіе въ дѣлѣ данныхъ, служащихъ къ его обвиненію. Исполненіе казни было на время отсрочено, а между тѣмъ тюремный узникъ Карповскій, сдѣлался предметомъ самыхъ тяжкихъ оскорбленій со стороны пановъ не пропускавшихъ случая посѣщать тюрьму, чтобъ изливать надъ бѣднымъ Карповскимъ свою ярость. Ожесточеніе доходило до того, что жолнѣры, составлявшіе тюремную стражу, не разъ спасали его отъ бѣшенныхъ и разъяренныхъ пановъ.

Подъ гнетомъ такого варварства пановъ, Карповскій не могъ не прійти въ отчаяніе и сообщилъ консисторскому писарю Бучинскому, что, по всѣмъ признакамъ, при всей своей невинности, едва ли можно будетъ уйти отъ смертной казни, но что онъ желалъ бы скорѣе отравиться, чѣмъ умереть подъ топоромъ палача, и потому просилъ Бучинскаго, дабы онъ какъ нибудь ему доставилъ въ тюрьму ядъ. Записка Карповскаго попала въ коммиссію, члены которой порѣшили, что такъ какъ Карповскій хотѣлъ отравиться, то это само по себѣ служитъ доказательствомъ того, что онъ насильственною смертію надѣялся избавиться отъ раскрытія предъ коммиссіею участія какъ своего, такъ и своихъ соумышленниковъ—въ заговорѣ противъ пановъ. Сдѣлано было распоряженіе оковать его по рукамъ и ногамъ.

Между тѣмъ допросы продолжались. Коммиссія допытывалась отъ Карповскаго не родственникъ ли онъ епископу Левинскому, думая, вслучаѣ признанія имъ себя таковымъ, придраться къ послѣднему. Изъ допрошенныхъ въ коммиссіи лицъ, ни кто не рѣшился подтвердить такого родства, кромѣ одного подстаросты Заленскаго. Сознавая, однако, что въ дѣлѣ о Карповскомъ не достаетъ много уликъ къ окончательному его обвиненію въ заговорѣ, коммиссія воспользовалась предложеніемъ панією Рогусской своихъ услугъ для того, чтобы, при ея посредствѣ, вывѣдать отъ него *тайну*. Рогусская помѣстилась рядомъ съ тюрьмой, гдѣ былъ заключенъ Карповскій, и, подъ предлогомъ христіанскаго милосердія, стала посѣщать узника, будтобы съ разрѣшенія властей. Съ ея стороны, конечно, было много заявлено соболѣзнованій къ несчастному положенію Карповскаго. Предложила она ему, между прочимъ, что если бы онъ пожелалъ кому писать письма, то смѣло бы передавалъ чрезъ нея, такъ какъ другимъ путемъ письма по адрессу не дойдутъ. Обманутый такимъ участіемъ женщины, Карповскій послалъ чрезъ нее къ своимъ друзьямъ нѣсколько писемъ, которые конечно переданы были Рогускою въ коммиссію; но въ этихъ письмахъ, кромѣ разсказа о своихъ бѣдствіяхъ Карповскій ничего болѣе не говорилъ. Такимъ образомъ никакія злоухищренія панін Рогусской—не удались; Карповскій такъ и остался обвиненнымъ только на основаніи клеветы Хорупанскаго священника, Глодовскаго. Тѣмъ не менѣе, хотя смертная казнь и была отсрочена, но Карповскому суждено было почти во весь 1789 г. томиться въ тяжкомъ тюремномъ заключеніи, пока въ средѣ нѣкоторыхъ варшавскихъ сеймовыхъ депутатовъ, по ходатайству епископа Левинскаго, не нашелъ онъ себѣ защитниковъ. Карповскій освобожденъ только въ концѣ декабря, на основаніи королевскаго приказа.

VI.

До сихъ поръ волынскіе паны жили только одною тягостною мыслью, что на канунѣ праздника Пасхи, какъ разгласили легкомысленные люди изъ ихъ среды, непремѣнно начнется возстаніе крестьянъ и духовенства противъ пановъ и жидовъ. Но во время этого праздника никто изъ народа не пошевельнулся; нигдѣ паны не увидѣля страшнаго ножа—ни въ рукахъ вѣковаго мученика—крестьянина, ни въ рукахъ бѣднаго, запуганнаго уніятскаго священника. Между тѣмъ болѣзненно—настроенное воображеніе пановъ не могло успокоится и, по свойственной только однимъ панамъ логикѣ, рѣшено ими, что ужъ если рѣзни не было на Пасху, то непремѣнно она будетъ на Фоминой недѣлѣ. И она прошла благополучно. Тогда они сообразили, что, во всякомъ случаѣ, народное возстаніе будетъ въ праздники Преполовенія или Вознесенія. И опять таки тревога пановъ оказалась совершенно напрасною. Вездѣ въ народѣ царствовала могильная тишина, лишь прерываемая рыданіемъ матерей, женъ и семьи по мужьямъ, отцамъ и сыновьямъ, то погибшимъ на плахѣ или на висѣлицѣ, то ожидающимъ въ тюрьмахъ своего роковаго приговора. Рѣшили за тѣмъ паны, что если во время этихъ праздниковъ не состоялось крестьянское возстаніе, то ужъ непремѣнно оно будетъ въ Тройцынъ день, въ который, наконецъ, пойдутъ въ дѣло спрятанные въ погребахъ и скирдахъ хлѣба страшные ножи. И Тройцынъ день прошелъ спокойно. Разъ задавшись мыслью, что рѣзня рано или поздно должна наступить, паны съ артистическимъ увлеченіемъ начали ожидать ее въ праздникъ Петра и Павла. И опять таки ничего не случилось и въ этотъ день. Но для пановъ, увлекшихся драматизмомъ своего положенія, невозможно было примириться съ мыслью, что жертва вѣковаго гнета—русскій крестьянинъ, послѣ предшествовавшихъ казней, и въ виду принятыхъ мѣръ для предотвращенія возстанія, едва ли былъ въ состояніи именно теперь поднять свою ослабѣвшую на безустанной панщинѣ руку противъ нихъ. Немыслимо было для пановъ, что утомленное тѣло и измученная душа крестьянина всего менѣе была способна въ описываемую эпоху

поднять бурю, которую такъ долго и такъ нетерпѣливо ожидали паны. Повидимому, полякамъ слѣдовало-бы успокоиться; но не тутъ-то было!

Владимирскій подстароста Заленскій и различные шляхтичи, имъ подученные, донесли коммиссіи, что русскіе священники въ церквяхъ молятся за русскую императрицу. Заленскій и его товарищи постарались увѣрить коммиссію, что даже не нужно и прибѣгать къ повѣркѣ этаго путемъ свидѣтельскихъ показаній, такъ какъ они лично слышали какъ русскіе попы, въ своихъ молитвахъ, упоминаютъ слово *царица*,—что и обязываются подтвердить присягой. Взрывъ ярости пановъ былъ чрезвычайный; они закричали, что, молъ, „мало теперь палачей и висѣлицъ, чтобы перевѣшать всѣхъ уже русскихъ священниковъ“.* Скоро паны убѣдились, что напрасно они закипѣли такимъ свирѣпымъ негодованіемъ. По разслѣдованію оказалось, что священники поминаютъ въ своихъ молитвахъ вовсе не русскую царицу, а „царицу небесную, матерь Божію“.

Въ эпоху народныхъ бѣдствій всегда являются личности выхваченные силой событій изъ среды самого-жъ угнетеннаго народа, которыя, благодаря безобразнымъ государственнымъ и общественнымъ распорядкамъ, уже съ малолѣтства заклейменные преступленіемъ, всегда готовы пристать ко всякому злу, безъ разбора—кому оно дѣлается, для кого оно приносится. Такіе люди, потерявъ всякую нравственную связь съ средой, ихъ родившей, всегда примыкаютъ къ гнусной сторонѣ среды ихъ воспитавшей и, неразборчивые въ средствахъ для достиженія своихъ цѣлей, они готовы во всякое время идти по пути всякаго рода злодѣяній, пока, въ концѣ-концовъ, не сдѣлаются истиннымъ бичемъ страны и народа. Однимъ изъ такихъ людей въ описываемую смутную эпоху оказался на Подоліи нѣкто Кирилло Пундикъ. Это былъ человѣкъ, давно получившій извѣстность, какъ самый отъявленный мошенникъ, и теперь, пойманный въ воровствѣ, и присужденый за то къ наказанію, во избѣжаніе его, рѣшился предложить панамъ свои услуги, заключавшіеся въ томъ, чтобы спеціально клеветать на духовенство и крестьянъ. предложеніе было принято, и въ короткое время этотъ негодяй привелъ въ трепетъ всю Подолію. По его доносамъ, въ самое непродолжительное время, нѣсколько сотъ крестьянъ и множество священниковъ было схвачено и заключено въ тюрьмы. Панамъ очень полюбилась роль, принятая на себя Пундикомъ, — роль умышленнаго оговорщика крестьянъ и духовенства, и они нашли необходимымъ поощрять негодяя въ его отвратительномъ ремеслѣ. Сущность доносовъ была обыкновенна: русскіе маркитанты шляются съ мятежными цѣлями по краю, передаютъ *московскіе* рубли духовенству для раздачи крестьянамъ, чтобы послѣдніе, за эти рубли, двинулись-бы на рѣзню пановъ и жидовъ. Кирилло Пундикъ какъ разъ пришелся по вкусу панамъ. Одною изъ первыхъ жертвъ оговоровъ Пундика былъ священникъ Даніилъ Подчашинскій. Негодяй донесъ на священника, что онъ участвуетъ въ заговорѣ противъ пановъ и получилъ отъ *москалей* деньги. Миллиціонеры схватили священника, привезли въ Константиновъ, и въ продолженіи двухъ недѣль сѣкли его ежедневно розгами отъ головы до пятокъ, желая выпытать отъ него участіе въ заговорѣ противъ пановъ. Эти истязанія ни къ чему не привели; какъ усердно ни сѣкли священника, онъ, ни въ чемъ неповинный, не призналъ за собой никакой вины; и паны должны были выпустить его изъ тюрьмы. Но Пундикъ не угомонился. Спустя короткое время, онъ опять сдѣлалъ доносъ на этого мученика—священника, который наново былъ арестованъ и заключенъ въ Кременецкую тюрьму. На этотъ разъ не такъ благополучно онъ отдѣлался отъ клеветника: священника присудили заключить на продолжительное время въ Дубенской крѣпости. *

Ужасно было заключеніе въ Кременецкихъ тюрьмахъ, особенно переполнившихся со времени появленія на сцену этихъ событій Кирилла Пун-

* Бродовичъ, т. I. стр. 88—91.

* Бродовичъ, т. I. стр. 88—89.

дика. Арестантамъ давали пищу самую отвратительную, такъ что многіе изъ нихъ умерли съ голода. На ночь запирали въ одну колодку по нѣсколько человѣкъ и несчастные не могли повернуться и должны были лежать на одномъ боку. Невыносимый смрадъ отъ нечистотъ душилъ заключенныхъ и породилъ смертельныя болѣзни. Чужеядныя насѣкомыя покрывали не только арестантовъ, но даже и стѣны тюрьмы. Между тѣмъ приговоры шли за приговорами. Одни осуждались на смертную казнь, другіе — къ заключенію въ Каменецкой крѣпости на болѣе или менѣе продолжительное время. По словамъ Бродовича, тѣ изъ арестантовъ, которые были приговорены къ смертной казни, съ радостью привѣтствовали скорое приближеніе смерти, такъ невыносимы были испытанія, претерпѣваемыя ими въ тюрьмѣ! На народъ напалъ величайшій ужасъ. При появленіи отряда жолнѣровъ, крестьяне бросали свои хаты, женъ, дѣтей, подобно тому, какъ это было въ эпоху татарскихъ набѣговъ, и убѣгали въ поле, скрываясь въ оврагахъ и другихъ мѣстахъ. Сами помѣщики были не на шутку встревожены этимъ бѣгствомъ крестьянъ и боялись, что имѣнія ихъ останутся совсѣмъ безъ крестьянъ. Кромѣ Пундика появился еще въ роли доносчика Василій Дебрійчукъ, способствовавшій къ переполненію тюремъ священниками и крестьянами. На Пундика обратилъ вниманіе даже самъ варшавскій Сеймъ и потребовалъ его къ себѣ, чтобъ лично, изъ устъ такого спасителя пановъ, выслушать дивные расказы о попахъ и маркетантахъ. Общій духъ доносовъ и клеветы обуялъ теперь всѣхъ и пановъ, и жолнѣровъ, и жидовъ. Послѣдніе, т. е. жиды, въ это несчастное время высказали не мало усердія, относительно доносовъ. Такъ, между прочимъ, Бродовичъ приводитъ такой случай: нѣсколько крестьянъ изъ Украйны, на обратномъ пути изъ Варшавы, гдѣ они продали свое сало, заѣхали въ мѣстечко Локачи, въ корчму, и спросили у шинкаря водки и селедку. Жидъ далъ водки и селедку, но на просьбу дать тарелку, чтобы на ней разрѣзать селедку, жидъ отказалъ, и кромѣ того еще обругалъ ихъ. Тогда украинецъ указалъ своему товарищу на столъ, и сказалъ: отъ тутъ ріжъ! Жидъ закричалъ — гвалтъ! Сбѣжались всѣ Локачевскіе жиды, которымъ шинкарь объявилъ, что два украинцы хотѣли его зарѣзать. Украинцевъ связали, повели къ управителю имѣнія, который далъ имъ по пятидесяти батоговъ, и велѣлъ тотъ часъ же выгнать ихъ изъ мѣстечка. Современникъ Бродовичъ говоритъ, что этотъ управитель былъ еще изъ лучшихъ и милосерднѣйшихъ людей своего времени, иначе, попадись украинцы на другаго пана—не миновать имъ тогда бы рукъ палача, такъ какъ въ то время все зависѣло отъ настроенія духа людей, заправлявшихъ какъ этими казнями, такъ и вообще дѣлами пресловутой рѣчи-посполитой. Въ числѣ другихъ, многочисленныхъ случаевъ преданія суду священниковъ вслѣдствіе панской или жолнѣрской злобы, мы не можемъ не указать на слѣдующій: въ мѣстечко Кончу явился цыганъ и, по обыкновенію разбилъ шатеръ, въ которомъ устроилъ кузницу. Жители мѣстечка принесли къ нему для поправки, кто ножи, кто различныя орудія, необходимыя то для хлѣбопашества, то для различныхъ хозяйственныхъ надобностей. Въ числѣ поселянъ, явился и мѣстный приходской священникъ, принесшій кузнецу-цыгану поправить два ножа. Какой-то жолнѣръ будучи въ кузнѣ цыгана, узналъ объ этомъ, и порѣшивъ, что это не простые ножи, а предназначенные для рѣзни поляковъ и жидовъ, сдѣлалъ доносъ. Схватили и кузнеца и священника и нѣсколькихъ крестьянъ и заключили ихъ въ тюрьму, гдѣ они просидѣли довольно значительное время.

Жолнѣры, наконецъ, насильно врывались въ церкви, разламывали полы, шарили по алтарямъ, надѣясь отыскать хоть что нибудь могущее послужить существенной уликой противъ священниковъ и крестьянъ. Всплыли наконецъ на верхъ и старыя дрязги, личныя враждебныя отношенія, какъ равно и грабительскіе инстинкты пановъ. Для характеристики этихъ грабительскихъ отношеній пановъ къ священникамъ мы не можемъ

не привести слѣдующій случай: у священника Яблонецкаго прихода, по фамиліи Буболовича, помѣщикъ Богуцкій отнялъ церковную землю. Священникъ рѣшился, еще предъ началомъ преслѣдованія и казней крестьянъ и уніятскаго духовенства, жаловаться суду. Дѣло перешло на рѣшеніе епископа, который призналъ правоту иска священника и сдѣлалъ опредѣленіе, чтобы отнятыя у священника паномъ Богуцкимъ земли были бы возвращены ему обратно. Богуцкому не хотѣлось разстаться съ ограбленною имъ землею и онъ рѣшилъ поправить дѣло посредствомъ доноса на священника. Но донось нужно было подтвердить какимъ нибудь свидѣтельскимъ показаніемъ; тогда Богуцкій прибѣгнулъ къ такому возмутительному средству: призвавъ къ себѣ пономаря Кабасюка, онъ предварительно далъ ему триста розогъ, а потомъ объявилъ, что если не согласится онъ подтвердить клевету на священника, то засѣчетъ его до смерти. Пономарь, подъ вліяніемъ этихъ истязаній, согласился сказать все, что угодно пану. За тѣмъ Богуцкій призвалъ къ себѣ двѣнадцать крестьянъ, которымъ приказалъ дать показанія въ смыслѣ обвиненія священника. Не понимая въ чемъ заключается дѣло, устрашенные крестьяне рѣшились подтвердить все то, что посредствомъ истязаній, заставилъ Богуцкій говорить пономаря. Священника схватили, посадили въ тюрьму, въ которой онъ просидѣлъ двѣнадцать лѣтъ, имущество же его забралъ панъ Богуцкій, и въ заключеніе высѣкъ жестоко попадью розгами.

VII.

Окровавленныя тѣни священниковъ, погибшихъ, то на плахѣ подъ топоромъ палача, то на висѣльницѣ, закрыли отъ насъ мучениковъ—крестьянъ, которыхъ одновременно безпощадно истребляли польскіе суды. Мы видѣли выше какъ еще съ самаго начала Волынскихъ смутъ съ такою жестокостью казнены были крестьяне Невѣрковскаго и другихъ имѣній. Уже съ апрѣля мѣсяца работали неустанно палачи и надъ головами и надъ спинами крестьянскими. На эшафотахъ и висѣльницахъ много погибло крестьянъ по самымъ ничтожнымъ извѣтамъ. Не мало погибло также людей и отъ пытокъ. Пыткамъ подвергали не однихъ обвиненныхъ, но, какъ свидѣтельствуетъ Бродовичъ, и людей привлеченныхъ къ дѣлу въ качествѣ свидѣтелей. Разсмотрѣнные нами приговоры Кременецкаго и Луцкаго судовъ, находящіеся въ актовыхъ книгахъ, хранящихся въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ, осуждающіе крестьянъ то на смерть, то на заточеніе въ Каменецкую крѣпость, поражаютъ насъ величайшею жестокостью, съ какою паны судили крестьянъ. Этого мало: при внимательномъ чтеніи этихъ судебныхъ актовъ, такъ и бросается въ глаза желаніе судей во что бы то ни стало, и, конечно, посредствомъ пытокъ заставить крестьянъ наговаривать на себя. Въ показаніяхъ крестьянъ Карла Шашкевича всего явственнѣе отражается участіе пытки—съ одной стороны и искуство судей, которые сами же писали показанія, изобразить во что бы то ни стало мятежный духъ крестьянскаго населенія—съ другой. Такъ изъ этихъ показаній видно, что по требованію Шашкевича отрядъ жолнѣровъ, подъ командою хорунжаго Константина Бреза, пришелъ въ принадлежащія ему села, находящіеся въ Летичевскомъ повѣтѣ: Бичеву, Яблоновку и Цыбулевку. Тотчасъ по приходѣ жолнѣровъ, хорунжій Брезъ, вмѣстѣ съ помѣщикомъ, занялся допросами крестьянъ о томъ: не подговаривалъ-ли ихъ къ рѣзнѣ нѣкто Климъ, слуга поручика русскаго Сибирскаго полка, Соколовскаго, квартировавшаго въ селѣ Яблоновкѣ, завѣдывавшаго, между прочимъ, извощиками, доставлявшими фуражъ русскимъ войскамъ. Крестьяне, конечно, подъ вліяніемъ истязаній, показали, что Климъ подговаривалъ ихъ къ рѣзнѣ веспою, назначая сборные пункты подъ Бѣлою церковью и Немировымъ, при чемъ заставлялъ ихъ присягать на книжечкѣ, на которой были нарисованы какіе-то иконы и кромѣ того будто-бы Климъ подговаривалъ крестьянъ не отдавать жолнѣрамъ оружіе, если таковое будутъ у нихъ отбирать. Въ числѣ крестьянъ, соз-

павшихся, какъ сказано въ судебномъ актѣ, въ согласіи съ Климомъ, Иванъ Пушкарчукъ обвинялся между прочимъ въ томъ, что онъ, собираясь идти на Украйну, имѣлъ у себя пистолетъ и пику, и дѣлалъ частыя угрозы диспозитору. Пушкарчукъ изъ подъ ареста бѣжалъ и скрывался въ окрестностяхъ села; но, пойманный какимъ-то шляхтичемъ въ пасѣкѣ, когда вели его къ новымъ допросамъ, попросилъ стражу позволить ему зайти въ его хату, чтобы перемѣнить кожухъ. Стража позволила и онъ, войдя въ комору, зарѣзался. На дальнѣйшихъ допросахъ, крестьяне, какъ значится въ ихъ показаніяхъ, объявили, что сборный пунктъ для трехсотъ человѣкъ былъ назначенъ на Любарскомъ стену, возлѣ озера, не далеко Бердической дороги, гдѣ донскіе козаки должны доставить имъ оружіе и лошадей, и что срокъ для возстанія назначенъ былъ въ праздникъ св. Николая, или же въ Тройцынъ день. Изъ крестьянъ Григорій Наймитъ показалъ, что его односелецъ Василій Дмитрукъ, сдѣланъ(sic) Климомъ сотникомъ и получилъ порученіе доставить въ назначенное мѣсто оружіе, самъ же Дмитрукъ долженъ былъ зарѣзать мѣстнаго экономa. Показанія остальныхъ крестьянъ были всѣ одинаковаго рода. Какъ видно изъ самаго акта, эти показанія были обвиненными крестьянами отвергаемы. Такъ одинъ изъ крестьянъ, Василій Дмитрукъ, рѣшился отрицать свои допросы, какъ вынужденные истязаніями, но когда его на ново подвергнули пыткѣ, то опять подтвердилъ все, что говорилъ на прежнихъ допросахъ и кромѣ того, къ удовольствію пановъ, прибавилъ, что агенты подстрекаютъ крестьянъ къ бунту по распоряженію русскихъ офицеровъ. *

Таковы въ общихъ чертахъ всѣ почти показанія крестьянъ попавшихъ въ руки коммиссіи, съ тою только разницею, что въ однихъ, въ качествѣ заговорщиковъ, на первомъ планѣ стоятъ маркитанты, въ другихъ—различные офицерскіе слуги и сами офицеры. Показанія эти были записываемы самими членами судовъ, или же писарями гродскаго уряда, и потому не удивительно, что въ нихъ можно было написать самыя ужасныя исторіи о заговорѣ противъ пановъ и рѣчи-посполитой, исторіи, безъ сомнѣнія, выдуманныя панами. Всѣ эти показанія сопровождались по большей части смертными приговорами, какъ это видно изъ многочисленныхъ документовъ, заключающихся въ актовыхъ книгахъ Кіевскаго центральнаго архива, а равно изъ свидѣтельства современника Бродовича.

Мы привели только главные изъ многочисленныхъ процессовъ по обвиненію панами въ заговорѣ противъ нихъ крестьянъ и духовенства. Но оправдались-ли чѣмъ нибудь такія ужасныя подозрѣнія пановъ по отношенію къ русскому населенію?

Нѣсколько мѣсяцевъ прошло съ той поры какъ начались эти казни, а между тѣмъ въ средѣ крестьянъ царила могильная тишина. Не оказалась ни гдѣ армія маркитантовъ, идущая во главѣ крестьянъ для истребленія поляковъ. Ни одинъ крестьянинъ или священникъ не пошевельнулся, чтобы показать панамъ дѣйствительное существованіе заговора протизъ нихъ. Въ этомъ убѣдились скоро и паны, когда, уставшіе отъ писанія смертныхъ приговоровъ, рѣшили наконецъ закрыть свои ужасныя коммиссіи и покончить свою кровавую работу.

Осенью 1789 г. коммиссіи разъѣхались по своимъ имѣніямъ. По свидѣтельству современника, „все было тихо по селамъ; русское духовенство по прежнему исполняло свои обязанности, крестьяне повсемѣстно безропотно отбывали свои тяжкія повинности; вездѣ въ сельской средѣ царствовала тишина; напуганные страшными казнями, крестьяне и священники еще больше старались угождать панамъ, и, по справедливому замѣчанію современника, все это служило доказательствомъ, что паны слишкомъ не по человѣчески поступали и съ крестьянами и съ духовенствомъ.“ *

---

* Книга Луцкая декретовая 1789 г., хранящаяся въ Кіев. центр. архивѣ, № 88, л. 618.

* Бродовичъ т. I, стр. 123.

VIII.

Варшавская сеймовая коммиссія, назначенная для разслѣдованія вопроса о бунтахъ и по дѣлу епископа Садковскаго, работала съ надлежащимъ усердіемъ, и результатомъ ея трудовъ было изданіе въ слѣдующемъ 1790 году двухъ томовъ отчета, представленнаго сейму, съ приложеніемъ актовъ, найденныхъ у Садковскаго во время ареста.* 15 марта отчетъ этотъ былъ доложенъ сейму. „Съ тѣхъ поръ, говорится въ отчетѣ, какъ Кіевъ пересталъ принадлежать республикѣ, православные вышли изъ подъ власти Константинопольскаго патріарха и Россія стала для нихъ вторымъ отечествомъ. Ихъ воспитаніе, ихъ священники, ихъ зависимость отъ новой митрополіи—все съ дѣтства привязывало ихъ къ Россіи. Будучи подданными республики, по мѣсту жительства, они тянули къ чужому государству по отношеніямъ нравственнымъ, которые сильнѣе политическихъ. На области, въ которыхъ они обитали, можно смотрѣть какъ на провинціи, принадлежащія Россіи.“ Далѣе о епископѣ Садковскомъ докладъ говоритъ, что „онъ, т. е. Садковскій, преданный ученикъ епископа Могилевскаго (Конисскаго), былъ главнымъ дѣятелемъ въ этихъ скрытыхъ и ловкихъ движеніяхъ Россіи противъ Польши. Мѣсто священника при русскомъ посольствѣ въ Варшавѣ дало ему возможность вполнѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ. Захваченные у него бумаги достаточно объясняютъ, съ какою онъ заботливостью старался поражать взоры польскихъ неуніятовъ дѣйствіями благосклоннаго покровительства, оказываемаго имъ Россіей; съ какимъ усердіемъ онъ питалъ въ ихъ сердцахъ тайное отвращеніе къ *національной власти* (!). Почти всѣ священническіе мѣста были мало-помалу, безъ обращенія вниманія на право прихожанъ, заняты духовными, присланными изъ Россіи. Съ 1783 г. являются въ Польшѣ указы русскаго синода. Садковскій назначенъ Слуцкимъ архимандритомъ по рекомендаціи русскаго посла. Въ Польшѣ былъ распространенъ русскій катехизисъ. Архивъ Садковскаго наполненъ синодскими указами, содержаніе которыхъ заключается въ слѣдующемъ: празднованіе торжественныхъ дней, счастливыхъ для имперіи россійской событій, публичные молитвы за императрицу и царственный домъ, опредѣленіе монаховъ и священниковъ русскихъ на вакантныя мѣста безъ вѣдома прихожанъ, наконецъ самыя мѣлочныя распоряженія Петербургскаго синода. Донесенія Садковскаго о точномъ выполненіи полученныхъ указовъ и о различныхъ распоряженіяхъ или уже сдѣланныхъ, или долженствующихъ сдѣлаться, ясно показываютъ рѣшительныя намѣренія не оставлять ничего *національному* правительству въ дѣлахъ касающихся православныхъ въ Польшѣ. По мысли Конисскаго учреждена Слуцкая епископія, и епископъ долженъ быть коадьюторомъ Кіевскаго митрополита, чтобы удобнѣе держать православныхъ въ Польшѣ въ зависимости отъ Россіи. Садковскій сдѣланъ былъ Переяславскимъ епископомъ и далъ присягу хранить тайно и нерушимо все ему порученное: ни какой потентатъ въ мірѣ и ни какое *народное множество* не возмогутъ отвлечь его отъ повиновенія“...

Таковы обвиненія, направленныя въ докладѣ коммиссіи противъ Садковскаго. Между тѣмъ, просматривая внимательно бумаги, захваченныя у Садковскаго во время его арестованія, напечатанныя въ приложеніи къ отчету коммиссіи, мы видимъ, что Садковскаго всего менѣе возможно было обвинить въ какихъ либо мятежныхъ замыслахъ противъ Польши; напротивъ, въ виду никогда не угасавшей народной ненависти противъ пановъ, Садковскій, по отношенію къ подвѣдомому ему духовенству и народу, всегда старался улаживать самыми миролюбивыми средствами вспышки народной вражды къ полякамъ. Такъ изъ бумагъ его видно, что объѣзжая подвѣдомые ему монастыри, онъ узналъ, что въ Черкасскихъ, Чигиринскихъ и Смилянскихъ лѣсахъ скрывается много монаховъ и монахинь. Онъ писалъ губер-

* Relacya deputatyi do examinowania sprawy o bunty oskarzonych, na seymie 1790 roku uczyniona.
Annexa do relacyi w materyi o buntach na seymie 1790 roku uczynioney w Warszawie.

наторамъ (управителямъ), дабы они ловили этихъ бродягъ и отправляли въ монастыри, а тѣмъ, которыхъ непустятъ къ себѣ монастыри, обривать бороды и обращать на общественные работы. Садковскій сознавалъ, что нельзя было теперь, посредствомъ возбужденія страстей народа, облегчить его суровую долю, и въ посланіяхъ къ паствѣ своей постоянно ей предписывалъ, чтобы она „сохраняла вѣрность королю и Рѣчи-посполитой и повиновалась панамъ и владѣльцамъ своимъ, исполняла бы свои обязанности, не допуская къ себѣ и мысли о сопротивленіи, а наипаче о мятежѣ, нарушающемъ общественное спокойствіе“. Но тѣмъ не менѣе онъ, какъ русскій, не могъ не сознавать, что съ ляхами рано или поздно должны же покончиться вѣковые расчеты, но что это сдѣлается уже не путемъ новаго народнаго кроваваго возстанія, а путемъ болѣе вѣрнымъ, именно могучимъ заступничествомъ Россіи за своихъ единовѣрцевъ. Потому то Садковскій, какъ представитель православныхъ въ Польшѣ, и дѣйствовалъ такъ рѣшительно, когда приходилось ему являться предъ поляками въ качествѣ представителя интересовъ православнаго населенія въ Польшѣ, съ которымъ онъ раздѣлялъ сознаніе, что только русская императрица, какъ и вообще русское правительство, могутъ дать надлежащую защиту противъ крайне озлобленнаго панства и католичества. Такимъ образомъ, уже въ 1785 г. Садковскій повелъ атаку противъ уніятскаго епископа за совращеніе имъ православныхъ въ унію. Въ своей жалобѣ, принесенной на уніятскаго епископа королю, Садковскій весьма опредѣленно говорилъ, что такія мѣры уніятскаго епископа противорѣчатъ трактатамъ, заключеннымъ Россіею съ Польшею. Онъ жаловался и на то, что католики окрестили православную вѣру *схизмою*; жаловался также на изданную въ то время въ Варшавѣ географію Польши, въ которой православная церковь названа схизматическою. Въ глазахъ поляковъ такой человѣкъ, конечно, долженъ быть по меньшей мѣрѣ измѣнникомъ. Будучи ревностнымъ православнымъ и преданнымъ Россіи, и въ тоже время работая въ интересахъ русскаго православнаго дѣла, для фанатически настроенныхъ польскихъ пановъ Садковскій, по мнѣнію ихъ, оказывался самымъ злѣйшимъ врагомъ Польши. Иначе, впрочемъ, и быть не могло: все что тянуло къ Россіи, что носило на себѣ печать русской народности, все это было всегда предметомъ той крайней злобы, и безпримѣрнаго въ исторіи посягательства на права племени, попавшагося, силой несчастныхъ историческихъ обстоятельствъ, въ когти другаго, господствующаго племени, какимъ ознаменовала себя Польша по отношенію къ южно-русскому народу. При такомъ настроеніи поляковъ, при такомъ страшномъ возбужденіи страстей, возможно-ли было русскому епископу въ Польшѣ не вызвать противъ себя то ожесточенное озлобленіе, которое никогда не могло миновать всякаго народнаго дѣятеля особенно въ ту эпоху, когда прійдетъ пора поквитаться одному племени съ другимъ за вѣковыя неправды, оскорбленія, за тѣ рѣки слезъ, которыя пролиты угнетеннымъ и порабощеннымъ русскимъ людомъ въ Польшѣ, благодаря панамъ и іезуитамъ!

Докладъ коммиссіи о епископѣ Садковскомъ, и о крестьянскихъ бунтахъ прочитанъ сейму. Какъ ни старалась коммиссія во что-бы то ни стало обвинить Садковскаго, какъ это видно изъ самаго тона доклада, тѣмъ не менѣе, она только и могла сдѣлать, что напереть въ своемъ докладѣ на симпатіи Садковскаго къ Россіи, — какъ будто это составляло величайшее преступленіе противъ рѣчи-посполитой! Между тѣмъ, не смотря на всѣ ходатайства русскаго посла въ Варшавѣ, Булгакова, епископа не отпускали и продолжали держать въ тюрьмѣ. О тюремномъ его положеніи іеромонахъ Гавріилъ писалъ къ знаменитому епископу Конисскому отъ 29 марта 1790 года слѣдующее:

„Винить, ваше преосвященство, прошу случай, съ котораго взялъ я смѣлость трудить васъ моимъ письмомъ: жалость всему причиною, она искала случая сего и мене принудила не пропустить онаго,

не отдавшись въ милость святѣйшаго и достойнѣйшаго святителя,—жалость о невинномъ узникѣ, преосвященномъ Викторѣ, епископѣ Переяславскомъ, котораго Варшава жестоко до сихъ поръ принимаетъ. Уже кончился одинъ изъ сейму назначенный надъ нимъ экзаменъ: не сыскано ничего опаснаго для жизни его, и иногда ходитъ поголоска, что пустятъ его съ честію. 1-го нашего и 6-го числа Генваря дозволено ему было имѣть у себе моего іеромонаха для отправы всенощныхъ и обѣдныхъ молитвъ. Преосвященный хотя на глаза слабъ, однакъ пѣлъ самъ ирмосы и плакалъ, спрашивая долго священника, о чемъ ему надобно было, подъ договоромъ, чтобъ де ничего по Россійску и тихо не говорить ни съ одной стороны, и книги церковныя экзаменовано до одного листа всѣ.

Съ оного времени не дозволено больше ани его жъ пленипотенту, присланному изъ Слуцка, быть у преосвященнаго, и временемъ худой, слышно, конецъ будетъ сей жалкой его преосвященства исторіи. Пильно здѣсь смотрятъ на обороты Россіи, какъ служитъ ей щастіе на войнѣ, и попоступаютъ съ нами такъ, то строго, то мягче....

Къ вамъ, какъ праведный изъ ковчега голубицу, посылаю письмо мое, чтобъ оно донесло вамъ вѣсть о праведномъ, безъ причины страждующемъ святителѣ, и испросило бы всѣмъ намъ одно у васъ благословеніе." *

Изъ Варшавы Садковскій былъ переведенъ въ Ченстоховскую крѣпость, гдѣ и содержался до октября 1792 года. Положеніе короля и сейма было въ высшей степени затруднительно. Въ видахъ того, что бы оправдать предъ Россіей свои жестокія дѣйствія, имъ желательно было во что бы то ни стало обвинить Садковскаго; а между тѣмъ, по просмотрѣ его бумагъ, оказалось, что только и возможно было придраться къ сношеніямъ Садковскаго, по дѣламъ православной церкви, съ Россійскимъ Синодомъ. Варшавская слѣдственная коммиссія, отпечатавъ свой докладъ и доложивъ опый Сейму успокоилась было и разъѣхались по домамъ, какъ вдругъ въ 1792 г. король, подъ вліяніемъ враждебной для Россіи партіи пановъ, рѣшилъ ускорить дѣло о Садковскомъ и о русскихъ священникахъ, томившихся еще въ тюрмахъ, и приказалъ членамъ коммиссіи собраться въ Варшаву, съ тѣмъ, чтобы они поспѣшили окончаніемъ этого темнаго дѣла. Допросили пановъ и епископа и русскихъ священниковъ и изъ ихъ показаній опять таки ничего преступнаго противъ Польши не нашли. Для короля и сейма всего важнѣе теперь было какъ нибудь отвязаться отъ епископа, зависимаго по церковнымъ дѣламъ отъ русскаго правительства. Осудить его и за тѣмъ казнить, или выслать изъ предѣловъ Польши, не было никакого основанія, да и было не безопасно, такъ какъ русское правительство чрезвычайно внимательно слѣдило за ходомъ всего дѣла о Садковскомъ и потому пріобрѣло бы еще новый предлогъ для энергичнаго вмѣшательства въ дѣла Рѣчи посполитой. Оправдать же епископа Сеймъ колебался... Рѣшили паны, въ концѣ концовъ, сдѣлать епископу Садковскому запросъ: за чѣмъ это онъ искалъ покровительства Россіи и русскаго посла? Епископъ отвѣчалъ, что онъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ по примѣру сенаторовъ, вельможъ и самаго короля, которые давно уже, то и дѣло, стараются спрашивать у Русскаго правительства и покровительство и помощь.

При всей своей политической недальновидности поляки очень хорошо сознавали, что отрубить голову русскому епископу, или изгнать его изъ предѣловъ Польши, дѣло слишкомъ рискованное, тѣмъ болѣе, что Россія не могла бы простить полякамъ такого злодѣйства,—не могли наконецъ они этого сдѣлать собственно потому, что какъ разъ въ это время окончательно опредѣлились всѣ признаки разрушенія польскаго государственнаго могущества, тяготѣніе которыхъ заставило продажныхъ пановъ кланяться и нашимъ и вашимъ и въ особенности императрицѣ Екатеринѣ II. Рѣшено было, избѣгая столкновеній съ Россіей, освободить епископа Садковскаго изъ Ченстоховской крѣ-

*) Археографическій Сборникъ, изданный въ Вильнѣ, т. II. стр. 142.

пости и предоставить ему его прежнее положеніе въ дѣлахъ своей православной паствы въ предѣлахъ Польши. Освобожденіе совершилось въ октябрѣ мѣсяцѣ 1792, т. е. спустя почти три года послѣ такого тяжкаго тюремнаго заключенія. Садковскій послѣ выхода изъ тюрьмы, именно въ октябрѣ 1789 года, написалъ Конисскому письмо, въ которомъ всего лучше очертился образъ этого знаменитаго представителя православнаго дѣла въ Польшѣ. Въ письмѣ этомъ, Садковскій, жалуясь на все что случилось съ нимъ въ продолженіи трехъ лѣтъ тяжкихъ испытаній, обращается къ Конисскому съ такими словами: „принятіе вашего преосвященства участи въ чашѣ горестныхъ моихъ страданій, напоившей меня невозвратнымъ здоровья и силъ потеряніемъ, не инако считая, какъ дѣйствительнѣйшимъ врачеваніемъ, приношу нижайшую благодарность. Всепокорнѣйше благодарю вашему преосвященству и за тую милость, по которой покойная моя сестра, подъ часъ моего несчастія, будучи столь безпомощна, имѣла пристанище въ тамошнихъ монастыряхъ. Сердечно жалѣю, что и послѣдней я сироты лишился, но разомъ и тѣшусь, что скончала животъ въ паствѣ того святителя, коего благословеніемъ блаженно могла скончаться, и удостоиться архипастырскаго погребенія, за что особливѣйшую приношу благодарность. Подобныхъ упомянутымъ въ письмѣ вашемъ экземлярамъ книжокъ старался я собрать и собралъ нѣсколько, изъ коихъ не упущу по вѣрной оказіи доставить вашему преосвященству. Къ Пальмовскому крестоношѣ приступилъ я письменно и уже съ дупликатнымъ понужденіемъ, чтобъ изъ Варшавы немедленно выѣхалъ въ свой монастырь, но какъ изъ его однихъ словесныхъ на то видно отзывовъ, нѣтъ надежды, чтобъ черная его душа убѣдилась когда. За повѣсть объ немъ благодарю вашему преосвященству; она своего времени весьма послужитъ. Касательно моего изъ неволи освобожденія происходило такъ: отъ боку его королевскаго величества господинъ генералъ Гуржинскій чрезъ нарочного капитана съ объявленіемъ королевскаго повелѣнія о увольненіи меня изъ аресту; а по прочотѣ того письма караульные вдругъ сняты, по арестѣ я поздравленъ и тѣмъ же капитаномъ доставленъ въ Варшаву, прямо къ его превосходительству Россійскому чрезвычайному полномочному господину послу и кавалеру Якову Ивановичу Булгакову. Что же ваше преосвященство изволите напоминать, что въ правленіе епархіи никакъ входить мнѣ не слѣдуетъ безъ повелѣнія двора, защищающаго меня, хотя я на первой о томъ въ Святѣйшій Синодъ мой репортъ доселѣ не имѣю указа, но по отпускѣ къ вашему преосвященству письма какъ получилъ я отъ пресвѣтлой конфедераціи генеральной обоихъ народовъ резолюцію и листъ, дѣлающій меня невиннымъ отъ клеветъ и возвращающій къ моей юрисдикціи (зъ коихъ копіи у сего къ вашему преосвященству препровождаю), то его превосходительство изволилъ сказать мнѣ формально такъ: „вы теперь можете возвратиться къ своей юрисдикціи и въ дѣла вступить.“ Почему другой отпустилъ я въ Святѣйшій Синодъ репортъ съ приложеніемъ копій и съ донесеніемъ моего на такомъ основаніи намѣренія отправиться въ Слуцкъ. А по всемъ томъ его превосходительство Яковъ Ивановичъ изволилъ еще промолвить мнѣ, что де пора и за Пальмовскаго приняться. Прежде же того я къ оному никакъ не приступалъ и ни въ какіе епархіальные дѣла не входилъ“.*

Изъ за чего же пролита была русская кровь и сдѣлано было панами такъ много несправедливостей по отношенію къ русскимъ крестьянамъ и духовенству?

Если мы бросимъ взглядъ на предшествовавшія событія въ исторіи рѣчи-посполитой, то, конечно, не можемъ не прійти къ заключенію, что въ нихъ то и заключается разгадка—почему польскіе паны съ такимъ неистовствомъ ударили въ 1789 году на русскаго хлопа и священника. Господство поляковъ, установившееся надъ Южною Русью, благодаря Люблинской уніи 1569 г., образовалось

* Археографическій Сборникъ, изданный въ Вильнѣ т. II. стр. 143.

не путемъ завоеваній,—оно родилось вслѣдствіе іезуитскихъ махинацій поляковъ которые, въ эпоху соединенія русскихъ областей съ Польшей, обманувъ широковѣщательными обѣщаніями представителей Южно-Русскаго народа, зажгли свой зловѣщій факелъ и понесли его по *вьсямъ и градамъ* Южно-Русской земли. Если бы русская земля была отдѣлена отъ Польши морями, или горными цѣпями, то, конечно, поляки, въ видахъ достиженія своихъ завоевательныхъ цѣлей, могли бы вести съ русскимъ народомъ болѣе или менѣе продолжительныя войны и оставаться или пораженными, или увѣнчиваться побѣднымъ лавровымъ вѣнкомъ, но, во всякомъ случаѣ, едвали бы они прибѣгнули къ іезуитской пропагандѣ для достиженія окончательнаго укрѣпленія своего господства надъ Южной Русью. Къ несчастію, когда Люблинская унія открыла полякамъ дверь въ Южную Русь, и когда поляки и русскіе столкнулись между собою, то, не раздѣленные между собою рѣзкими географическими границами, и, кромѣ того, расходясь въ возрѣніяхъ на нравственные и политическіе вопросы міра,—поляки и русскіе необходимо должны были стать-одни въ положеніе притѣснителей, другіе — въ положеніе притѣсненныхъ, смотря по тому у кого больше хватало нравственнаго мужества и матеріальныхъ для борьбы силъ. Южная Русь, благодаря давно уже деморализированному ея дворянству, въ этомъ отношеніи показала большую слабость, которая тѣмъ болѣе была ощутительна, что на помощь политическому злу, занесенному въ Южную Русь поляками, явились скоро іезуиты, отравившіе политическое существованіе поляковъ тѣмъ, что научили ихъ ненавидѣть русскую народность; они постарались разжечь въ сердцахъ поляковъ вѣру, что только безграничнымъ служеніемъ цѣлямъ католичества и можно доостигнуть величія на землѣ и вѣчнаго рая на небѣ; они научили поляковъ привить и въ Южной Руси ужасы инквизиціи и всѣ тѣ послѣдствія католической пропаганды, по милости которыхъ и на западѣ Европы совершенно было тамъ много злодѣйскихъ дѣлъ, воздвигнуто было такъ много костровъ и эшафотовъ, на которыхъ, въ продолженіи вѣковъ, погибали люди—герои, представители величія и славы человѣческой мысли,—люди такъ сказать свободныхъ убѣжденій. Хитроплетенными сѣтями они оковали разумъ и сердце русскаго дворянства и принудили его отречься отъ русскаго *хлопа*; и, разъ отравивъ его существованіе, они передѣлали русскихъ дворянъ въ поляковъ — фанатиковъ, какъ въ нравственномъ такъ и въ политическомъ отношеніи.

За измѣной и отреченіемъ отъ своей земли русскаго дворянства, ея беззавѣтнымъ защитникомъ остался крестьянинъ, очутившійся въ концѣ концовъ, благодаря польскимъ государственнымъ учрежденіямъ, въ положеніи безсловеснаго раба, но, тѣмъ не менѣе, сохранившій всю мощь и все гордое величіе русскаго національнаго зодчаго. Исторія упорной борьбы русскихъ хлоповъ съ сильнымъ тогда польскимъ шляхетскимъ государствомъ извѣстна. Побѣды смѣнялись пораженіями. Но какъ бы тамъ ни было хлопы показали гордой Польшѣ, что сломить ихъ національный духъ—невозможно. Но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все больше и больше пресловутая польская республика, руководимая іезуитами, оскверняла свою политическую жизнь варварскими законами и постановленіями, направленными противъ русскаго хлопа. Полякамъ мало было одного его порабощенія, имъ пожелалось еще и окатоличить хлопа. Для достиженія такой цѣли поляки пролили рѣки русской крови, и всѣ свои отношенія къ русскому народу на всегда заклеймили величайшимъ безчестіемъ и преступленіями.

Но въ упорствѣ, съ какимъ отстаивалъ русскій хлопъ свою угнетенную и порабощенную землю, сказалась вся та мощь русскаго духа и живучесть національной энергіи хлопа, которая, какъ ни старались ее погубить поляки въ продолжительный періодъ своего господства надъ Южною Русью, не умирала, а напротивъ, получала все большее и большее развитіе. Время шло впередъ и день освобожденія русскаго народа приближался.

Тогда поляки пустили въ ходъ всѣ имѣвшіеся въ ихъ рукахъ средства, чтобы устрашить разъ на всегда хлопа безпримѣрными и отвратительными казнями. Въ 1768 г., по усмиреніи народнаго возстанія, региментаръ польскихъ войскъ Стемпковскій, въ видахъ устрашенія крестьянъ на будущее время, задумалъ было навести, на нихъ паническій страхъ: ему мало было крестьянъ, участвовавшихъ въ возстаніи противъ пановъ, вѣшать, рубить имъ головы, сажать на колъ, онъ отрубливалъ крестьянину руку и ногу, или же одни руки, а то отрублівались вмѣстѣ и руки и ноги. Стемпковскому и вообще польскимъ панамъ казалось, что такіе изувѣченные крестьяне навсегда будутъ поучительнымъ примѣромъ для всѣхъ остальныхъ крестьянъ, которые бы задумали устроить когда либо новой бунтъ противъ пановъ. Примѣру Стемпковскаго слѣдовали и всѣ остальные паны, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ оффиціальные акты. Намъ лично пришлось записать въ Черкасскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи отъ столѣтнихъ дѣдовъ не мало разсказовъ про звѣрство и варварство пановъ. Про одного князя, потомки котораго и теперь еще живы, вотъ что повѣдали намъ старики:

— „Розсказовали намъ батьки, якій то бувъ лютий чоловікъ. Бувало, хто поіде изъ села на місто, то по дорозі уздрить на одному дереві ногу, на другому — руку, а на третему — чоловічи кишки мотаются, а тамъ на високому—превисокому спису — чоловіча голова. Іому мало було бідного чоловіка повісить, передъ смертью вінъ бувало наглумитця надъ нимъ,—таке то одъ лях-хівъ бувало у насъ тяжке лихо, таке горенько наше, що й сказать не можно!“.

Но этими казнями, этимъ свирѣпымъ варварствомъ, полякамъ нельзя было прочно установить дѣло окончательнаго порабощенія русскаго народа; нельзя было убить въ народѣ героическій духъ сопротивленія, который сказывался на всѣхъ путяхъ его жизни; невозможно было для поляковъ, до мозга костей пропитанныхъ тою мыслью, что рабство — естественное достояніе русскаго хлопа, а свобода—исключеніе, убить на всегда въ крестьянинѣ его русское народное самосознаніе, его надежды на лучшую будущность.

Надежды эти въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, мало по-малу, начали осуществляться. Вмѣшательство Екатерины II въ дѣла рѣчи-посполитой послужило для крестьянъ источникомъ великихъ упованій на то, что могучіе паны-ляхи скоро перестанутъ быть могучими.

Результатомъ этихъ завѣтныхъ надеждъ крестьянъ на русскую императрицу былъ огромный переходъ изъ насильственно навязанной русскому народу уніи—въ православіе. Вмѣстѣ съ этимъ переходомъ въ православіе, крестьяне все больше и больше проникались убѣжденіемъ, что паны будутъ не долго уже властвовать надъ ихъ тѣломъ и душею. Тогда, руководимые іезуитами паны, опять занялись казнями и извѣстной пропагандой среди народа. Явились различные „Катехизисы“ и „Голоса“, о которыхъ мы уже говорили прежде. Кромѣ того, въ виду благодатнаго для народа вѣянія политики Екатерины II-й, и возрастающаго все больше и больше могущества русскаго государства, они, конечно, при посредствѣ іезуитовъ, расчитывая на невѣжество крестьянъ и русскаго духовенства, распространяли между народомъ прокламаціи, въ которыхъ съ замѣчательною наглостью доказывали крестьянамъ и сельскому духовенству, что подъ властью поляковъ — райское житье и для священниковъ и для крестьянъ, тогда какъ жить подъ московскими порядками—чистѣйшее мученіе. *

За тѣмъ рѣшили поляки напасть на уніятовъ, чтобы напугать ихъ ужасными казнями и отвлечь ихъ русское сердце отъ Россіи. Систематически устраивается это преслѣдованіе: льется русская кровь, воздвигаются висѣльницы и устаютъ руки палачей, рубившихъ русскіе головы во имя спокойствія и благополучія польскихъ пановъ. Но достигнуто-ли, путемъ этихъ кровавыхъ дѣлъ, спокойствіе рѣчи-посполитой? Залѣчены-ли тѣ раны, которыя наносила себѣ въ продолженіи вѣковъ рѣчь поспо-

* Бродовичъ т. II, стр. 171—174.

литая, устанавливая и укрѣпляя свое страшное господство надъ русскимъ народомъ? Отвѣтъ, конечно, будетъ отрицательный, если только принять во вниманіе тѣ событія, которыя наступили скоро послѣ Волынскихъ казней.

Не много прошло еще времени, какъ совершилась надъ Польшей уже историческая кара за все то зло, какое она надѣлала русскому народу начиная съ Люблинской уніи: она потеряла свою политическую самобытность и на долго, если не на всегда, угасло то величіе духа, которое проявляли сыны Польши въ былое время, но которое потомъ, подъ вліяніемъ іезуитовъ, если не совсѣмъ погибло, то во всякомъ случаѣ обратилось на путь преступленій и варварскихъ отношеній къ русскому крестьянству. Нынѣшній юго-западный край вошелъ въ составъ русскаго государства; правда, онъ вошелъ съ двумя враждебными лагерями, между которыми не исчезла вѣковая вражда, да едва ли исчезаетъ она когда либо, если только поляки останутся при своихъ іезуитскихъ поползновеніяхъ—то ополячивать, то окатоличивать русскаго хлопа, то губить русское народное самосознаніе, то трактовать о границахъ Польши 1772 г. Въ эпоху возсоединенія нынѣшняго югозападнаго края, положеніе его представляло далеко незавидную картину: на одной сторонѣ стоялъ русскій—крестьянинъ, вѣковой страдалецъ, въ продолженіи вѣковъ работавшій на польскаго пана, лишенный всѣхъ человѣческихъ правъ, представлявшій собою такъ сказать вещь, которою владѣлецъ—панъ могъ распоряжаться по своему усмотрѣнію, на другой—остался тотъ же польскій панъ, съ тѣми же прежними деспотическими, варварскими побужденіями, которыя не могли очеловѣчить ни время, ни тяжкія событія, постигшія рѣчь посполитую, отъ начала XVII в. до такъ называемаго третьяго раздѣла Польши.

Да и съ тѣхъ поръ не мало прогремѣло бурь въ многострадальной западной Руси. Много было по отношенію къ русскому населенію края сдѣлано тяжкихъ обидъ, много пришлось ему перенесть испытаній. Съ паденіемъ рѣчи-посполитой крестьянская неволя не погибла,—вмѣсто польскаго, явилось русское крѣпостное право, и одно тяжкое зло замѣнилось другимъ. Варварство пановъ не могло исчезнуть, и надъ крестьяниномъ висѣла прежняя шляхетская нагайка и существовало, какъ и прежде, презрѣніе къ нему, какъ къ безсловесному скоту; уцѣлѣла таже ненависть къ исповѣдываемой хлопомъ православной вѣрѣ, ненависть, которою отмѣчена каждая страница всей прошедшей исторіи, пока благороднѣйшій изъ царей, нынѣшній государь, не поспѣшилъ, великимъ актомъ освобожденія крестьянъ, отереть лившіеся въ продолженіи вѣковъ крестьянскія кровавыя слезы, навсегда разбивъ оковы той неволи, въ которой до сихъ поръ жилъ сермяжный мученикъ, русскій крестьянинъ.

2007080035